

**Воспитанница
института
для
благородных
девиц**

Полина Белова

Полина Белова

**Воспитанница института
для благородных девиц**

«Литнет»

Белова П.

Воспитанница института для благородных девиц / П. Белова —
«Литнет»,

Это фэнтези, но в первой части истории за основу взяты реальные условия пребывания девочек в Смольном, после обучения девушка устраивается на работу к дракону.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4.	17
Глава 5.	20
Глава 6.	24
Глава 7.	29
Глава 8.	33
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	48
Глава 13.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Воспитанница института для благородных девиц Автор: Полина Белова

Глава 1

– Посмотри, дорогой, как здесь легко исправить тройку на пятёрку, – мачеха наклонилась и приобняла отца за плечи, мягко прижалась грудью к его широкой спине, показывая мою метрику. – Обрати внимание, вверху у троечки совсем нет закругления. Одна маленькая чёрточка, и Александре завтра исполнится не девять лет, а семь!

– Дорогая... – начал отец, тяжело вздохнув.

Он, едва ли не жалобно, немного виновато покосился на меня, тихо стоящую в углу кабинета, у выхода, будто, этим взглядом заранее просил прощения за то, что собирается сделать. Его высокий лоб перерезала страдальческая складка. Однако, мне трудно было ему посочувствовать.

Я была зла на отца. Сейчас, в свои почти девять лет, я уже многое понимала и не могла простить ему того, что после смерти моей мамы он привёл в наш дом эту мерзкую женщину. В то же время, мне было жаль его. С этой лицемерной злоюкой папа, словно, потерял себя самого и попал в вечное рабство к настоящей мегере.

– Сделай это, милый! Я уже приготовила похожие чернила. Вот. Тогда возраст Александры станет подходящим для поступления в столичный институт для благородных девиц! – перебила мужа мачеха. – Мой отец сможет похлопотать, у него есть знакомство в попечительском совете. На обучение принимают девочек от пяти до семи лет. Она мала ростом и худая, вполне сойдёт за семилетнюю.

Эта страшная женщина избавляется от меня! Накануне днём я случайно подслушала тайный разговор мегеры с её отцом, который приезжал к нам со своим обычным воскресным визитом. Мой неродной дедушка, как и мачеха, только внешне выглядел таким же respectable и добрым. После того, как у меня три года тому назад родилась сестра, а год назад – брат, он навещал нас еженедельно. Обычно для этого, возвращаясь после воскресной службы из храма, по дороге к себе домой, он делал небольшой крюк.

Дед всегда появлялся с гостинцами или игрушками для всех троих детей. Я должна была низко присесть и благодарить его за свой подарок. Казалось бы, какой добрый дедушка! Но...

Несмотря на то, что я всякий раз, также, как и его родные внуки, оказывалась одарена, в моей душе отнюдь не было благодарности. Стыдно в этом признаваться, но эти визиты пробудили в моей душе противные ростки зависти. Кроме того, они меня заставляли лицемерить.

Невозможно было не позавидовать в тот раз, когда сестра получила роскошную куклу в нарядном розовом платье, а мне досталась тяжёлая толстая книга «Правила хорошего поведения для девочек». Которую, к тому же, мачеха часто заставляла меня часами читать и перечитывать вслух, стоя на коленях, в наказание за какой-нибудь мелкий проступок.

Или, к примеру, я никогда не любила повидло, но дедушка часто преподносил мне в качестве вкусного гостинца пирожок с этим гадким повидлом, в то время как сестра, а в последнее время, и брат, получали фигурные леденцы на палочке! Хуже всего, что первые два раза за выброшенный подаренный пирожок меня выпороли розгами. Мачеха такой негодной девчонкой меня перед отцом выставила, что он просто не мог не назначить наказание: и неблагодарная я деду, и неуважительная к старшим, и не ценящая продукты и труд людей, и... Да разве всё упомянешь! Во избежание повторения подобного, после, я каждый раз вынуждена была

съесть все изделия с повидлом, которые приносил и с нежной отеческой улыбкой вручал мне этот мерзкий дед.

Однажды, думая о нём, я поразились тому, сколь изобретательным он был! За все три года смог не обрадовать меня своим подарком ни разу, даже на чуточку.

Но горше всего мне было, когда я получила от него очень красивые сапожки. Я, накануне, когда мы с семьёй были на ярмарке, увидела их в лавке у приезжего купца и очень просила отца купить. Папа задумался. Купец заломил приличную цену, но уж очень я просила. Тут брат, который был на руках у мачехи, сильно раскапризничался, и мы спешно отправились домой. Уже дома отец пообещал мне, что сходит на ярмарку в воскресенье и купит мне эти сапожки. И тут их приносит дед!

Впервые я была счастлива и благодарил его искренне! Каково же было моё огорчение, когда выяснилось, что обувь мне мала. Я всё же попыталась ходить в них, мучаясь от боли в пальцах ног, но недолго. Слишком это было мучительно! Такие желанные мною сапожки отложили для подрастающей младшей сестры. А новую пару мне не купили, так как, пока суть да дело, ярмарка закончилась, и купец со своим товаром уехал.

А ещё как-то случай был... Дедушка принёс в подарок всем нам троим: мне, сестре и брату, по красивой расписной фарфоровой пиале. Мачеха, рассыпаясь в восторгах и благодарностях, забрала пиалы сестры и брата, а мою дед протянул мне. Но, не успела я даже коснуться её, он разжал пальцы, и хрупкая пиала выскользнула из наших рук, упала и раскололась на несколько частей. Мачеха представила всё перед отцом так, будто я, неблагодарная дрянь, швырнула подарок дедушки на пол. В тот день мы должны были всей семьёй идти кататься на санях. Меня в наказание за пиалу, не взяли...

В общем, немудрено, что я частенько изобретала способы избежать встречи с дедом во время его воскресных визитов и не желала его подарков.

Вот и вчера, завидев в окно своей комнаты на втором этаже, его экипаж, я побежала вниз и чуть приоткрыла внутреннюю дверь в сад, а сама спряталась за толстой портьерой в коридоре возле гостиной.

– Александра, похоже, сбежала в сад отец! Сейчас пошлю кого-нибудь найти её, – капризно протянул недовольный голос мачехи.

Я притаилась, сидя на подоконнике.

– Постой! Не нужно. Нам надо кое о чём поговорить без лишних ушей, дочка, – ответил ей голос деда.

Это я, получается – лишние уши? Очень интересно!

– Ути-ути, мой хороший! Держи леденец! – видимо, догадалась я, дед заигрывал с внуком на руках у мачехи.

Через мгновение, я услышала, как она зовёт нянюку и отправляет её с детьми в сад, приказывает найти там меня и передать от деда пирожок с повидлом, да проследить, чтобы съела. Я скривилась.

Голоса становились всё ближе. Вот они уже слышны из гостиной и обрываются хлопком закрывающейся двери.

Я вынырнула из-за портьеры, подбежала к двери и с любопытством прижалась ухом к замочной скважине. Мои «лишние уши» были тут как тут.

– Дочь, послушай меня! Это прекрасная возможность избавиться от девчонки и, ко всему, на два года дольше пользоваться приданным её матери, которое отошло ей по наследству, – голос гостя был тих, но настойчив и горел убеждением.

– Папа, мне очень нравится, что в это государственное заведение родители отдают девочек на все десять лет, и то, что они живут там без права покидать территорию института в течение всего этого времени! Но, я не уверена, что мой муж согласится на такое, он слишком любит эту паршивку, – пожаловалась мачеха.

– Ты что? Не знаешь, что нужно сделать в таком случае? – хмыкнул мужчина. – Ты же у меня девочка красивая и умная.

– Если я смогу уговорить его, ты уверен, что он позже не передумает? Что, если потом он соскучится, одумается и заберёт свою дочь обратно домой? – с сомнением протянула мегера.

Я стояла за дверью гостиной ни жива, ни мертва, понимая, что речь идёт обо мне и моей дальнейшей судьбе.

– Не заберёт. Родители подписывают обязательство не требовать дочерей обратно весь период обучения и согласие видаться с ними исключительно в родительские дни один раз в год, и то, под надзором воспитательницы. Драконы желают исключить любое постороннее влияние на воспитанниц института.

– Отец, да это же прекрасно! – воскликнула мачеха. – Я завтра же попробую уговорить мужа!

– Это ещё не все прелести этого дела, милая, – довольно произнёс родной дед моих младших сестры и брата. – Кроме всего, о чём я уже рассказал тебе, девочки все десять лет находятся на полном казённом обеспечении.

– На неё совсем не придётся тратить? – мачеха захлёбывалась от восторга.

– Нет, – довольно подтвердил дед. – Если по окончании института девицу берут замуж, то стоимость её обучения возмещает муж, а если нет, то они сами выплачивают долг из своего заработка, работая на драконов. В любом случае, дочь, если ты отправишь Александру в этот институт, то велика вероятность того, что она больше никогда не появится в твоём доме.

Я не могла слушать дальше, убежала далеко в сад за домом, и там дала волю слезам.

Эта женщина с самых первых дней в нашем доме, не понимаю только, за что, возненавидела меня. Она никогда даже не попыталась подружиться со мной, хотя в свои тогдашние пять лет я искренне любила весь мир. Я готова была принять её, как родную, хотя не прошло и года после смерти мамы, когда отец привёл в дом новую жену.

Сегодня, стоя в кабинете отца и понимая, что он вот-вот согласится с мачехой, подделает метрику и навсегда увезёт меня из родного гнезда, я вспомнила тот день, почти четыре года тому назад, когда отец, торжественный и красивый, через широко распахнутые парадные двери, улыбаясь, вошёл в дом вместе с молодой красивой женщиной и представил её всем присутствующим, как свою жену, а мне, как мою новую маму.

Я была так мала и глупо радовалась! Была счастлива солнечному дню, долгожданной улыбке папы, новой красивой маме, которая так волшебным пахла цветами. После многих слёз и несчастий, которые свалились на нашу семью, казалось, наконец, наступила светлая полоса.

Как же преждевременна была моя радость!

В присутствии посторонних, даже слуг или отца, мачеха сюсюкала и улыбалась мне, но никогда не делала подобного наедине. Она невзлюбила меня с момента нашего знакомства, но сумела сделать так, что прошло уже почти четыре года, а об этом знала только я.

Любую мою шалость или мелкий проступок мачеха искусной паутиной слов превращала в едва ли не преступление, достойное казни. Я ненавидела её за лживое сочувствие и ненастоящие слёзы, когда она делала вид, что вынуждена отдавать жестокое распоряжение о моём наказании.

Менее, чем через полгода после появления в моей жизни, мачеха родила мою сестру, а совсем недавно – брата. Если до рождения сына, я ещё могла найти сочувствие и спасение у отца, то после появления моего братика, папа стал во всем, что касается воспитания детей полностью полагаться на мою мачеху.

Я не хотела уезжать из родного дома! Однако... я всей душой желала оказаться подальше от мачехи и её жестоких методов воспитания. Поэтому, я подняла голову, посмотрела в глаза отцу и, набрав в грудь побольше воздуха, словно, прыгая в ледяную воду, решительно выдохнула:

– Я согласна, отец.

Глава 2

Дорога в столицу могла бы показаться мне длинной и скучной, если бы я позабыла слова мачехи о том, что следующие десять лет проведу взаперти.

Теперь же, я боялась даже на минуту уснуть, цеплялась жадным взглядом за каждый придорожный куст или дерево, не отрываясь, смотрела на мелькающие за окном экипажа пейзажи. Каждый попадающийся мне на глаза человек вызывал внутри странное щемящее чувство и глупое детское желание попрощаться. Я с грустью думала о родительском доме, который только что покинула, возможно навсегда. Вспоминала маму. Мне было пять лет, когда она умерла. Почему-то, постепенно, её любимый образ начал стираться в моей памяти, становясь безликим. Мачеха куда-то спрятала все мамины портреты и сейчас я жалела, что не догадалась попросить отца найти хотя бы один и дать его мне с собою. От всех этих мыслей на глаза часто наворачивались слёзы.

– Мы можем вернуться домой, если ты передумала, – мягко произнёс отец, видимо, заметив их.

– Нет, – сразу ответила я, поскольку меня даже передёрнуло при мысли о возвращении к мачехе. – Просто... Когда приедешь меня проведать, привези мне портрет мамы, пожалуйста. Я стала забывать её лицо.

На подъезде к столице я несколько раз видела в небе драконов. У нас в городке это зрелище вызвало бы ажиотаж. Дети восторженно кричали бы «Дракон! Дракон!» и бежали вслед. Да и взрослые поднимали бы головы и провожали пролетающего ящера любопытными взглядами. Нашлись бы и такие, что, на всякий случай, низко кланялись бы в сторону пролетающего ящера.

Очень высокий каменный забор института не произвёл на меня пугающего впечатления. Может, потому, что его густо оплетал дикий виноград? Он показался мне, скорее, защитой, чем запирающей внутри него стеной. Сюда не проберётся ни мачеха, ни её отец.

Папа предъявил хмурой женщине у ворот какие-то бумаги, и она молча пропустила нас на территорию. Мы шли по длинной песчаной дорожке, и я с понятным любопытством оглядывала место, где мне предстоит провести следующие десять лет. Вокруг было очень чисто. Огромные вековые деревья давали уютную тень. Далеко в глубине парка виднелся работающий фонтан с огромным каменным драконом посередине. Струя воды вырывалась из его запрокинутой пасти и разбрызгивалась ровным кругом. Здание института поразило меня своей основательностью и размерами. Одни входные двери были не менее, чем в три моих роста!

Шагов на десять впереди нас мужчина и женщина вели за руки девочку лет семи. Она шла, спотыкаясь на ровном месте, опустив голову вниз и громко рыдая. Женщина без остановки что-то мягко втолковывала ей, а мужчина время от времени громко требовал прекратить выть.

Они вошли, и входная дверь, закрывшись, отсекала от меня голоса этой троицы, неприятные, поднимающие в душе неясную тревогу и, даже, страх. Воздух вокруг сразу снова наполнился успокаивающей тишиной, прерываемой лишь редкими в это время дня трелями птиц да едва слышным отсюда ровным шумом воды в фонтане.

– Ты ещё можешь передумать, Александра, – тихо сказал мне папа. Он остановился на верхней ступени широкого крыльца, опоясывающего фасад здания и выжидающе посмотрел на меня.

Створка входной двери была очень тяжёлой, но я всё же открыла её сама и первой вошла внутрь, таким образом показывая отцу, что не изменила своего решения. Я пришла сюда добровольно.

Какой бы ни была моя будущая жизнь здесь, это лучше, чем жизнь с мачехой и её двумя детьми, которых отец, незаметно для себя уже любит больше, чем меня. По крайней мере, мне так казалось. Сестра, к примеру, несмотря на любые свои шалости ещё ни разу не получила наказания, тогда как я редкий день обходилась без оного. Нет уж, с меня довольно. Даже, если взрослые здесь будут злыми, лучше страдать от них, чем от родного отца, который прислушивается к наветам мачехи. «Здесь у меня хотя бы душа не будет болеть», – думала я, следуя вместе с отцом к кабинету директрисы.

Коридоры института, по которым мы проходили, были очень широкими и казались мне пугающе пустыми. Не было ни цветов в кадках по углам или у окон, ни ковровых дорожек на гладком каменном полу, ни картин на крашенных бледно-жёлтых стенах. Одинаковые тёмно-коричневые двери располагались через равные промежутки, и все были плотно прикрыты. Из-за них не доносилось ни звука.

Тихо. Пусто.

Лишь наши с папой шаги гулко нарушают это безмолвие. Где остальные девочки? Они же здесь есть?

Вдруг раздался мелодичный удар колокола и через минуту все двери разом открылись. Отец уже завернул за угол, а я остановилась посмотреть.

Всё так же, в полной тишине, ровными колоннами по двое из комнат вышли девочки. В тот момент они показались мне абсолютно одинаковыми. Институтки проскользнули мимо меня на удивление ладным и аккуратным строем. Строгая дама в чёрном шла позади, наблюдая за девочками, словно коршун за цыплятами. Тишину нарушал лишь шорох шагов.

– Александра! – негромко, шёпотом, окликнул меня папа и я поспешила к нему.

У директрисы мы пробыли недолго. Она внимательно просмотрела все бумаги, которые ей подал папа, и удовлетворённо кивнула.

– Расписка, обязательство, метрика, ходатайство..., все бумаги девочки в полном порядке, – сказала она и посмотрела на меня. – Александра, значит.

– Да, госпожа директриса, – я вежливо присела.

– Попрошайся с отцом.

Папа крепко обнял меня, приказал быть умницей, слушаться учителей, воспитателей и госпожу директрису, неловко помявшись, скомкано пробормотал слова прощания и быстро ушёл.

Я всё ещё испуганно смотрела на закрывшуюся за ним дверь, когда услышала за спиной низкий и властный голос директрисы:

– Александра, отныне ты – воспитанница института для благородных девиц. Ты должна быть счастлива этому! В нашем заведении обучаются девочки только из высшего или среднего сословия. Количество мест в первом классе ограничено. На сегодняшний день у нас осталось всего одно место, и оно за тобой, так как тем, у кого умер один из родителей или оба, отдаётся предпочтение. Девочке, которая вместе с родителями сейчас ожидает в коридоре, в этом году будет отказано в приёме. Впрочем, не печалься о ней. Ей всего шесть и, если родители не передумают, они смогут привести её в следующем году. Но ты должна ценить ту возможность, которую получила сейчас. Ты меня поняла?

Вспомнив рыдающую малышку, которую сегодня втащили в здание передо мной, я подумала, что она будет счастлива возможности вернуться домой. Однако, жизнь с мачехой меня многому научила, поэтому вслух я тихо произнесла:

– Поняла. Я буду ценить. Благодарю, госпожа директриса.

Женщина довольно кивнула и первой пошла к выходу из кабинета. Я, подхватив свой дорожный мешок, засемила следом.

Глаза невысокой суевой женщины, которая обнимала за плечи маленькую девочку, радостно вспыхнули, когда директриса объявила, что решение о приёме принято в мою пользу

и мест в этом году больше нет. В то же время мужчина, который стоял возле них, попытался громко возмутиться, но был немедленно осажен директрисой просто с королевским величием.

– Посмеете сказать ещё хоть слово в подобном тоне, молодой человек, и я наложу запрет на приём вашей дочери в следующем году, – весомо произнесла она.

Мужчина закрыл рот и заметно сглотнул. Мне показалось, что это он проглотил все возражения, которые жаждал высказать. Он молча поклонился и повёл свою семью к выходу, грубо толкая девочку и раздражённо поторапливая жену. Несмотря на жесткое поведение их отца и мужа, было заметно, что женщина и девочка были счастливы. Обе уходили так быстро, что едва успели вежливо попрощаться с директрисой.

Меня же, не мешкая, повели по длинному коридору, потом по тёмной лестнице вниз, в подвал. Там, в одной из душевых тёмных комнат с низким потолком директриса нашла женщину в строгом сером платье, которую назвала кастеляншей. Она приказала ей выдать мне форму, сменную одежду, бельё, обувь и показать мой шкафчик в рекреации для первого класса.

– Когда оденешь нашу новую воспитанницу, своди её к доктору. Девочка с виду здорова, но пусть Адам Бенедиктович осмотрит как положено. Потом передай её классной даме. Это последняя в этом году, десятая.

Директриса ушла, а женщина в сером недовольным тоном приказала мне:

– Снимай с себя всё. Да, положи, ты, уже свой мешок, никто его у тебя не отберёт.

Я поспешно разделась, аккуратно сложив свою одежду на стоявший у стены стул, бросив на пол рядом дорожный мешок. Немного растерянно уставилась на кастеляншу. В подвале было не то, чтобы холодно, а как-то промозгло. Женщина неторопливо возилась у полок с вещами, а я стояла в одних трусиках, босая, на ледяном каменном полу, обхватив себя руками и непрерывно переступая с ноги на ногу, тщетно пытаюсь удержать тепло.

– Чего зенки свои таращишь? Труссы тоже снимай! – рявкнула женщина так, что я забыла о стеснении и быстро выполнила её указание.

Кастелянша смела со стула мою одежду со словами:

– Это тебе больше никогда не понадобится.

Положила взамен другую. Белые хлопковые трусики ничем не отличались от моих, и я молча удивилась тому, зачем заставлять меня менять их. Новая тоненькая нижняя сорочка была намного приятнее к телу чем те, в которые одевала меня мачеха. Да и кофейного цвета мягкие чулки мне понравились больше моих прежних. Мягкие чёрные туфли на небольшом каблучке застёгивались на один ремешок.

Длинное плотное тёмно-коричневое платье в первую минуту показалось мне немного колючим, но я быстро привыкла. Для меня оказалось немного трудно в первый раз застегнуть пуговицы на спине, однако, я справилась.

А вот в фартуке, который надевался поверх платья, я запуталась. Кастелянша помогла, хоть и странно обозвала Провинцией.

Фартук был большим, чёрным и походил, почти, на второе платье. Он одевался как-то сбоку, а сзади завязывался бантом. Низ фартука был, словно бы, второй юбкой. Он оказался немногим короче платья, его полы почти соединялись сзади, а верхние передние и задние полочки полностью закрывали грудь, спину. Они по бокам были украшены большими воланами.

– Дорожный мешок поставишь в свой шкафчик. Я его тебе сейчас покажу. А в этом мешке твоё сменное бельё, форма для физических занятий и белый фартук на праздничные дни. А здесь расчёска, зубной порошок, мыло и полотенце. Распусти волосы и заплети их в одну косу. Умеешь сама? – кастелянша протянула мне коричневую ленту и вдруг покосилась на большие ножницы, лежавшие на её столе. – Если нет, обрежу тебе волосы.

– Умею! – вскрикнула я, выхватив у неё ленту, и, потупившись под строгим взглядом кастелянши, повторила. – Я хорошо умею заплетать волосы, госпожа.

Когда я была готова, женщина со всех сторон окинула меня придирчивым взглядом и удовлетворённо кивнув сама себе, повела наверх, из подвала.

Глава 3

На новом месте мне всё казалось волнующим, новым, непривычным, но очень интересным. Среди своих одноклассниц, самая старшая из которых была младше меня на два года, я чувствовала себя весьма уверенно. Не выделяясь среди девочек первого класса ни ростом, ни комплекцией, я в свои девять лет многое умела делать лучше них и без особых усилий самостоятельно ухаживала за собой. О том, что не все были такими, говорило хотя бы то, что у некоторых первоклассниц были коротко и немного неровно обрезаемы волосы. Заметив это, я сразу вспомнила большие ножницы на столе у кастелянши. Эти девочки с грустной завистью смотрели на тех, кто остался с косой.

Нас, всех младших учениц, с первого по третий класс, в институте называли кофейницами. Это из-за коричневого цвета форменного платья. Через три года нам выдадут синие платья, потом форма будет серой и, наконец, в выпускном классе – светло-голубой.

Когда меня впервые завели в спальню, я поразились ровным рядом совершенно одинаковых кроватей. Мне показалось, их так много, что не сосчитать, хотя позже выяснила, что их шестьдесят.

– Твоя вот эта, – классная дама подвела меня к самой дальней кровати в углу, у стены, противоположной от входа.

Я аккуратно присела на краешек своего спального места и замерла, не зная, что делать.

Все кровати были накрыты одинаковыми серыми одеялами с двумя розовыми полосами по краям. В изголовье каждой белели абсолютно одинаково уложенные квадратные подушки.

– Почему села? Раздевайся и ложись. Сейчас остальные девочки придут.

Я потянулась к завязкам фартука, недоумеваю: «Меня что, не покормят?». Мы с отцом приехали ближе к вечеру. Подумала, что пока меня оформляли, пока была у кастелянши, потом на осмотре у врача, я, видимо, пропустила время ужина. Но... Разве ребёнка не положено накормить? Есть очень хотелось.

К спинке каждой кровати был приставлен массивный табурет из тёмного дерева. Девочки, которые действительно, очень скоро вошли в спальню, с любопытством поглядывая на меня, стали раздеваться и аккуратно складывать на него одежду. Я повторила за остальными.

Спальня у кофейниц была общей, в одной комнате стояли, как я уже посчитала, все шестьдесят железных кроватей. Я молчала, стесняясь незнакомых лиц, но и девочки почему-то молчали.

Классная дама ненадолго вышла. Воспитанницы сразу стали живее, завопились, зашептались.

– Как тебя зовут? – шёпотом спросила моя соседка.

– Александра, – так же шёпотом ответила я.

– А я Софья. Ты Столичная или Провинция?

Я вспомнила, как меня назвала кастелянша и уверенно ответила:

– Провинция.

– И я. Будем дружить?

Недалеко от нас, в противоположном ряду, раздался тихий смех. В этот момент вошла классная дама.

– Это что за неподобающий шум в спальне? – грозно спросила она и тут же гаркнула. – Третий класс на колени!

Весь тот ряд, в котором были засмеявшиеся девочки, двадцать человек, упал на колени рядом с табуретами. Остальные воспитанницы, и я в том числе, тихо закончили раздеваться и нырнули под одеяла.

Дома у меня была отдельная комната и мягкая постель с периной. Привыкнуть к тонкому жёсткому матрасу, через который чувствовались железные пружины кровати оказалось непросто. Я никак не могла найти удобное положение и согреться под тонким шерстяным одеялом. Безмолвные воспитанницы, стоявшие на коленях, вызвали безотчётный страх. Это было мучительно. Я искренне не понимала причин столь строгого наказания девочек. Смех? Разговор в спальне? Хотя и не я сейчас провинилась и несла за это ответственность, но спокойно уснуть не смогла. Только когда часы в коридоре едва слышно пробили полночь, и классная дама, наконец, позволила лечь третьему классу, меня затащило в сон.

Следующее утро, как и все последующие в институте, началось с нескольких громких ударов колокола. Я наблюдала за девочками и следовала за ними. Поправила свою постель, накрыв её одеялом. Тут благо, что не перина, взбивать не нужно. Вместе со всеми прошла в умывальню, умылась и привела себя в порядок. Помогла Софье и ещё одной девочке заплести косу. Себе хотела сделать две, но новые подруги сказали, что нельзя. Все девочки из младших классов носят только одну косу, кроме стриженных.

Потом была общая утренняя зарядка в нашей рекреации. Классная дама металлическим голосом считала «Раз, два, три, четыре...» пока мы поднимали и опускали руки, приседали, прыгали и поворачивали корпус. Я старательно повторяла движения, совершенно не понимая, зачем нужно такое делать и какая от этого польза? У меня дома ничего подобного никогда не было и на танец это действие не похоже.

А потом... Наконец! Нас повели в столовую.

Правда, перед этим к нам пришли ещё две классные дамы. Софья шепнула мне, что у каждого класса она своя. Но по ночам присматривает за девочками только одна из них, чаще, спит на кушетке у входа.

– Сегодня дежурила наша Анна Николаевна. Она любит тишину и всё время запрещает разговаривать, – торопливо рассказала мне Софья, пока нас строили.

– Ты давно здесь?

– Меня папа неделю назад привёз, а Столичные все вчера утром прибыли. Сегодня у нас первый день занятий.

Классные дамы поставили девочек второго и третьего классов в колонны по двое и ушли с ними. А наша Анна Николаевна долго строила нас по росту, меняя местами. Нашу с Софьей дружную пару разбили. Анна Николаевна поставила меня к другой девочке. Я, всё же, была высокой, как для семилетки, поэтому оказалась в первой двойке. Потом классная дама несколько раз заставила нашу колонну пройти по кругу в рекреации, ступая с левой ноги. У нас никак не получалось! Даже с её командой: «Левой! Левой!». Наконец, с недовольным видом, она всё же повела нашу колонну на завтрак. Я шла, глотая голодную слюну. Скорее! Скорее!

Столовая оказалась огромной! Столы были накрыты белоснежными скатертями и сервированы так красиво, как дома моя мачеха приказывала делать только в праздники или в ожидании гостей. Но никакой еды не было! Да что же это такое! Только графины с чем-то мутновато-жёлтым. Позже выяснилось, что это был компот.

Под окнами, за одним из трёх самых длинных столов чинно сидели девушки в серой форме. За вторым, таким же, столом, но посередине – девочки в синих платьях. А за третьим длинным столом, у стены, сидели маленькие кофейницы. Наши двадцать мест для первого класса пока пустовали, ждали нас. Мы идём! Идём! Ну... Сели... Где? Я нетерпеливо осматривалась, вертя головой и ёрзая, приподнимаясь на месте.

Четвёртый и пятый столы, покороче, стояли поперёк трёх длинных по разные стороны огромного зала столовой. За одним из них сидели девушки в голубом, как я позже узнала, выпускной класс, а за вторым – учителя и классные дамы во главе с директрисой.

Появились работницы кухни, в белых халатах и колпаках. Я зачарованно смотрела, как они возили вдоль столов тележки с кастрюлями, огромными ковшами в одно движение наполняя наши тарелки кашей.

О, Боги! Как же я была голодна! Небольшая порция каши исчезла в моём животе так быстро, что Софья, которая сидела наискосок от меня, только удивлённо подняла тонкие бровки. Она ковыряла свою кашу с недовольной миной, так и не попробовав.

– Ты не хочешь? – тихо спросила у неё.

– Не-а.

– Давай мне.

Под удивлёнными взглядами соседок по столу, мы быстро поменялись тарелками. Я съела и её порцию.

Стало намного веселее.

Тем временем, работницы кухни, ловко собирали тарелки из-под каши и на вторые плоские тарелочки, которые до этого стояли под ними, клали по три картошины поливая их ложечкой растительного масла.

Всего три?! Ну, ладно. Я покосилась на Софью. Та картошку съела. Жаль.

Впрочем, я почти наелась.

Компот был совсем не сладкий, но приятный на вкус.

И всё? А десерт? Или, хотя бы, яблоко?

Увы...

После завтрака нас повели на уроки.

Таким было первое утро моей новой жизни. Все остальные мало чем отличались. Разве что, каши были разные, то перловая, то овсяная, то манная. И картофелин могло быть не три, а шесть, но о-о-очень маленьких.

Не было ни единой первоклассницы, кроме меня, которая украдкой не плакала бы за домом. Хотя это было строго запрещено. Девочки в классе негласно делились на две равные группы: Столичные и Провинция. Оказывается, десять мест в первом классе института для благородных девиц были предусмотрены для детей столичной знати и чиновников, а десять – для тех, кто проживает за её пределами. Почему-то Столичные считали себя выше Провинции. Это разделение сохранялось до самого выпускного класса.

Я принимала своё новое положение с радостью и надеждой на лучшее. Конечно, были пугающие моменты, но меня они не пугали так сильно, как других девочек. Наказания, которые здесь применяли учителя и воспитатели, не казались мне такими уж страшными, хотя получать их всё же не хотелось бы.

Со мною дома с шести лет занимался старый учитель из мужской гимназии. Он уже вышел на пенсию и недорого брался только за преподавание или репетиторство для учеников, проживающих недалеко от его дома, чтобы ему было ближе ходить и недолго заниматься. Мы уже прошли с ним всю программу начальной школы для мальчиков, поэтому на уроках, где мои одноклассницы учили буквы и цифры, а потом складывали слова и решали простые задачки, я отчаянно скучала.

Но были и такие предметы, которые мы со старым учителем не проходили: древний драконий язык и современный, рисование, скульптура, музыка, рукоделие и хореография.

Драконий язык был противный, с множеством рычащих и шипящих звуков, которые у меня, как и многих других девочек никак не получалось повторить. Это самые трудные занятия для нас всех.

Рисовала я неплохо, поэтому этот урок, как и скульптура, стали моими самыми любимыми. К тому же, учитель рисования и скульптуры позволяла нам разговаривать между собой, только негромко.

Рукоделие очень напомнило мне нудные задания, которые часто давала мне мачеха. Я вспоминала, как слипались мои глаза над работой до позднего вечера, и огонёк свечи расплывался, когда смотрела на него, как немели пальцы с иглой. Однажды мачеха, недовольно сморщив нос, выбросила мой старательно вышитый для отца носовой платок в мусор. Впрочем, сейчас я впервые в жизни была немного благодарна ей. Я не особо любила рукоделие, но была лучшей в нашем классе и неизменно получала похвалы.

А вот музыка и хореография только в первый месяц мне нравились...

Впрочем, музыка и потом осталась ещё ничего. Хотя я была разочарована, что такое чудо, как прекрасная мелодия, разложили на скучные ноты. И слушать эти ноты отдельно в исполнении девочек, да и в моём собственном, оказалось сомнительным удовольствием.

Что же касается хореографии...

Где-то месяц мы просто делали разные упражнения под музыку в просторном зале с зеркальными стенами. И это было неплохо. Мне даже нравилось. Но, однажды, на одном из занятий нас, всех первоклассниц заставили раздеться до трусиков. Кроме учителя, на том уроке присутствовал и наш доктор, Адам Бенедиктович. Всех долго осматривали, щупали, заставляли прогибаться в спине, становясь на мостик, тянуть носок и сильно выворачивать стопы в стороны. Учитель хореографии сама сажала нас на шпагат, точнее его подобие. Многие девочки плакали, так больно нам делали. Я терпела, так, похныкала да поойкала немного. Потом у меня сильно болело всё тело. И девочки тоже жаловались.

Но, как оказалось, для меня это было только начало.

После того странного занятия, троих несчастных из первого класса, в том числе и меня, определили в балетную группу девочек, которые должны будут выступать на Новый год. На праздничном вечере ожидалось присутствие семьи Правящего Дракона. Поэтому пока остальные семеро девочек на уроке хореографии выполняли под музыку простенькие упражнения, мы трое занимались отдельно: стояли у станка, высоко поднимая ноги, делали растяжку, прогибались.

Заниматься балетом – это очень трудно, особенно, если не горишь желанием танцевать, как, например, Софья. Вот кто был счастлив тому, что её выбрали и готов издеваться над собой! Я же, во время растяжки, когда учитель ещё только шла в мою сторону, начинала тихонько хныкать, потому что знала, что сейчас мне будет очень больно. Майя Рудольфовна снова и снова сажала нас на шпагат, давила на спину, заставляла высоко поднимать одну ногу, и стоя на второй, долго удерживать это положение на пределе сил. Иногда мне даже ночью снились её отрывистые команды: «Спина! Носок! Выше!». Обливаясь потом и дрожа от усилий, я тянула вверх ногу и, глядя на остальных наших девочек, которые легко прыгали под бодренький марш, я думала о том, что очень любила бы хореографию, если бы не попала к балетным.

Но это ещё не всё! Кроме ежедневных уроков хореографии со своим классом, где мы трое: я, Софья и Анфиса занимались по отдельной программе, каждый день, вечером, когда остальные девочки наслаждались свободным временем или прогулкой, у нас был общий урок балета, для всех отобранных в балетную группу, кофейниц. Каждый день!

Поначалу я злилась на семью Правящего Дракона и на него самого, считая, что это из-за их приезда на мою невезучую голову свалился балет. И зачем только мои ноги так сильно вывернулись? До самой зимы ходила на уроки хореографии, как на казнь. Потом привыкла, тело постепенно становилось гибким, стало полегче, но всё равно было трудно.

Глава 4.

К Новому году весь институт сверкал идеальной, как говорит Адам Бенедиктович, стерильной чистотой. Суетились, волновались и готовились абсолютно все.

В нашей спальне в ряду первоклассниц и третьеклассниц кастелянша заменила старые, потёртые и блёклые, серые одеяла на новые, мягкие, яркой синей расцветки с белыми полосами. Нам с девочками они показались такими красивыми! Второклассницам остались лучшие из старых. Как они нам завидовали!

Правда, эти новые одеяла оказались немногим теплее старых, и мы по-прежнему мёрзли по ночам. Однажды, ещё осенью, с наступлением холодов, в спальне стало так холодно, что я набралась смелости и решилась попросить у классной дамы второе одеяло. Но она ответила, что такое послабление возможно только по назначению доктора и велела мне немедленно ложиться спать, если не хочу получить наказание.

Я нашла решение, чтобы не трястись по ночам. Когда все уснут, украдкой надевала спрятанные в изголовье кровати, под матрасом, толстые шерстяные носки, которые я когда-то связала для отца, в подарок на день рождения. Я пронесла их в спальню, достав из своего дорожного мешка, что хранился в моём шкафчике. Отец никогда даже не видел эти носки, потому, что мачеха выбросила мою работу в мусорное ведро, а я их достала и спрятала у себя. Подарок, действительно, вышел недостойным. Носки получились кривые, разного размера, с неаккуратными петлями. Это была самая первая вещь, которую я связала своими руками. Ох и намучилась! Они дались мне слишком трудно. Пусть петли и форма этих носков были далеки от совершенства, но мне они были дороги, и, уезжая из дому, я даже забрала их с собой, как памятную вещицу. И не пожалела! Сейчас тёплые и толстые носочки для папы, которые мне натягивались почти до колен оказались спасением от холода! Если бы не они, не знаю, как смогла бы уснуть. Простыла бы точно. Многие кофейницы всю ночь кашляли, таким Адам Бенедиктович прописывал горькую микстуру и второе одеяло. Лишь бы мои носки не обнаружили!

Мы слышали, как директриса жаловалась нашей классной даме, что не знает в какое точно время прибудет семья Правящего дракона: утром, к обеду, чуть позже или вечером, и как долго они пробудут, и где пожелают побывать. Драконы бывали в институте не часто и каждый раз вели себя непредсказуемо.

С утра, в день прибытия важных гостей, всё было не так, как обычно. Хотя бы потому, что на завтрак к компоту мы получили творог с клубничным вареньем!! Хоть что-то хорошее...

В этот праздничный день все девочки сменили обычные чёрные, темно-синие, темно-серые фартуки и такие же ленты в волосах на белые. Институтки выглядели невероятно нарядно! Я очень боялась испачкаться, особенно в столовой.

Всем учителям было приказано отрепетировать с классами показательные уроки, на случай если драгоценные гости пожелают посетить их. Наш класс один и тот же урок драконьего языка проводил три дня, чтобы мы всё как следует запомнили: когда и что учитель спрашивает, как и что мы отвечаем, как нужно приветствовать гостей, кто из девочек поднимает руку и для ответа на какой вопрос. Сегодня этот урок начался с утра и продолжался до самого обеда. Скорее бы уже этот Новый год остался позади!

На переменах, по звуку колокола мы чинно выходили в рекреацию и неторопливо прохаживались по двое, разговаривая исключительно шёпотом.

На кухне стряпали особый обед, я впервые почувствовала волшебный вкусный запах готовящейся еды. Наша рекреация была прямо над столовой.

Во всей этой подготовке для меня хуже всего был балет!

Наша балетная группа из семи кофейниц всю последнюю неделю перед приездом гостей во второй половине дня занималась вместе с балетными группами старших классов.

Этим вечером, или днём, это – как прикажут, мы будем показывать правящей семье небольшой балетный спектакль под названием «Небесная дева». По задумке директрисы, пока мы танцуем, хор институток у стены должен петь. Хористок всего десять, по количеству классов, и в каждом выбирали по одной. В нашем классе учитель музыки выбрала Анфису. Ей наши девочки, и я с ними, тоже завидовали, ещё и потому, что Анфисе каждый день на ночь приносили пить гоголь-моголь и дали второе одеяло. Почему жизнь такая нечестная? Одним сплошные мучения с этим балетом, а другим гоголь-моголь? Почему у меня нет такого голоса, как у Анфисы, а вместо этого ровные, как палки, ноги и длинная шея?

Всю осень и половину зимы мы репетировали свои кусочки спектакля по группам, а в последнюю неделю перед Новым годом Майя Рудольфовна каждый день прогоняет весь спектакль целиком, в костюмах и вместе с хором.

В самом большом зале института, на втором этаже, для воспитанниц по бокам поставлены два ровных ряда стульев. А по центру разместили два больших мягких кресла и диван из кабинета директрисы – это места для членов семьи Правящего Дракона и его самого. Вся стена напротив стульев и кресел завешена голубой тканью, к которой то тут, то там, пришиты, вырезанные из старых простыней белые облака. Это девочки из седьмого класса сделали такое «небо» для спектакля под руководством учителя по рукоделию. Кстати, мне рассказали, что именно здесь раз в году проходит родительский день.

К белым фартукам и лентам на девочках к обеду я даже привыкла и уже не замечала праздничности нарядов.

А вот обед, кстати, оказался невероятно шикарным! Впервые. Вместо обычного супа с крупой мы получили самый настоящий куриный бульон! Душистый, золотистый, вкусный! И на второе была не противная варёная рыба и оловянная каша, а варёное куриное мясо и рассыпчатая каша с маслом! А к компоту каждой девочке дали самое настоящее крошечное пирожное...

Всегда важные и неторопливые девушки из выпускного класса сегодня вели себя непривычно беспокойно и казались нам взбудораженными и нервными. Я даже видела, как одна из них упала в самый настоящий обморок.

«Ладно уж, Правящая семья драконов, я не против, чтобы вы к нам приезжали!» – после обеда довольно думала я ровно до того момента, когда нас повели готовиться к выступлению.

Майя Рудольфовна приказала нам переодеться. В институте, конечно, есть камин и печи, но их так мало в большом зале! Я невольно завистливо покосилась на Анфису. Хористки оставались в своих формах, только белые ленты для волос им широкие дали. Балетные костюмы грели мало. За эту неделю я так намёрзлась! Хорошо ещё, что нам позволяли брать на репетиции свои полотенца, чтобы вытирать пот, и мы, пока ждали своего выхода, кутались в них, пытаюсь согреться.

Главная солистка нашего спектакля, танцующая Небесную деву – очень хрупкая с виду девушка из выпускного класса. Она так двигается, что кажется, будто, летает, вовсе не касаясь пола даже кончиками пальцев. Её длинные стройные ноги невероятно легки и пружинисты, а гибкие тонкие руки нежны и выразительны. Прекрасна и сама Мария. Мы с девочками обожаем наблюдать за ней, особенно, когда она танцует.

Впрочем, все наши балетные, даже кофейницы, являются предметом чьего-либо обожания. Остальные девочки за нами подглядывают, повторяют наши словечки и жесты, завидуют нам.

Кстати, как я с удивлением выяснила, в институте абсолютно все кого-нибудь обожают. Это просто поветрие какое-то или негласное правило. Мне это показалось странным, но решила не выделяться и тоже изображать обожание, только объект выбрать подходящий.

И я, не будь душой, выбрала нашу раздатчицу пищи -Степаниду.

Как же девочки были удивлены моему выбору особы для поклонения! Степанида, кстати, тоже. Но она оказалась очень польщена. А я довольна: и не выделяюсь, как все, имея обожаемую, и порция у меня всякий раз побольше, чем у остальных, и лишний кусок хлеба, перепадает. Того же варенья в моей тарелке сегодня вдвое больше, чем у соседок, было! Степаниде явно нравится быть обожаемой. Другие работницы кухни ей завидуют, когда я, иногда, заглядываю в подсобное помещение и экзальтированно шепчу ей: «Обожаемая!!! Степанида!!!».

А Софья, например, обожает Марию, настолько, что на рукоделии большой иглой для штопки выцарапала на своём запястье её инициалы: М.В. Было столько крови! Софью даже водили к доктору. Адам Бенедиктович ругался и наложил повязку. А, когда её сняли, остались небольшие, но заметные шрамы и Софья была очень этим довольна.

Кстати, я тоже от нескольких девочек слышу в свой адрес это «обожаемая». В нашей балетной группе кофейниц, сама того не желая, я оказалась солисткой. Правда, ничего для этого не делала и не хотела! Просто у меня получалось лучше, чем у остальных кофейниц.

Как можно хотеть заниматься больше других, если балет и так – сплошная мука? Иногда Майя Рудольфовна так меня гоняла, что мои пальцы на ногах до крови стирались. Я плакала...

Впрочем, Софье хотелось бы на моё место.

В спектакле я танцую Небесную Деву в детстве, а девочки изображают моих товарищей по играм, небесных ангелочков.

С тех пор, как в начале зимы меня поставили в центр и дали сольный танец, Софья сердится на меня. Мне очень жаль, но мы внезапно перестали быть подругами. Её обида настолько несправедлива, что я в свою очередь тоже на неё обижаюсь! Будто бы это я сама себя выбрала, а не Майя Рудольфовна назначила меня на роль!

А вчера... Вчера Софья докатилась до того, что толкнула меня на лестнице, да так, что я упала и несильно ушибла коленку. А могла бы и шею свернуть!

Было обидно до слёз, однако, я никому ничего не сказала. Но всё же, кто-то донёс классной даме. Наверное, это сделали мои обожательницы, которые тайком наблюдают буквально за каждым моим шагом. Софью вызвали в кабинет директрисы и выпороли розгами. Она вернулась в спальню зарёванная и обвинила меня в том, что я – ябеда. Окрик классной дамы не позволил нам продолжить ссору или объясниться. Я долго вертелась на жёсткой кровати не в силах уснуть из-за произошедшего и слышала, как Софья плачет, накрывшись одеялом с головой.

Вообще-то, у нас в институте не наказывают розгами. Это произошло впервые за всё время моего пребывания здесь. Провинившихся заставляют носить чулок на плече за неаккуратность, отчитывают при всех за плохо усвоенный урок или невнимательность, за иные нарушения могут лишить обеда или ужина, поставить в угол, на стул перед всеми, самое страшное – на колени, но до этого случая я ни разу не слышала, чтобы кого-нибудь били. Видимо, это происходит лишь в исключительных случаях. Думаю, Софью наказали потому, что её поступок мог сорвать спектакль, подготовленный для семьи Правящего дракона.

Сегодня, после произошедшего, мы с Софьей совсем не разговариваем.

Глава 5.

Я слонялся по плацу яростно целясь стрелами в грудь деревянных манекенов с разных ракурсов. Какой мерзкий сегодня день, отвратительный! Только вспомню о том, что снова, как и каждый год, нужно ехать с визитом в этот липкий девчачий муравейник – институт для благородных девиц – так всё настроение портится хуже не куда, и из ноздрей бесконтрольно вырывается белый дым.

Мы с Арнольдом, моим средним братом, который старше меня на два года, что угодно согласились бы сделать, лишь бы уклониться от этой повинности. Однако, отец непреклонен – по традиции с визитом должна поехать вся семья Правящего Дракона.

Лёд и Бездна!!! В прошлом году меня, как и Арнольда, месяц тошнило только при воспоминании об этих липучих визжащих толпах одинаковых девчонок, которые каждый визит повсюду следуют за нами и восторженно заглядывают в рот. Да ещё, норовят стащить носовой платок или оторвать пуговицу от одежды! Ненавижу это бабье место!

Вот о нашем с Арнольдом старшем брате, такого не скажу. Почти три года назад он отметил первое совершеннолетие, летом ему уже исполнилось двадцать. У Вольдемара в этом институте есть свой шкурный интерес, да и отец туда тоже с удовольствием едет. Наша мать каждый год присматривает себе в институте новых помощниц и компаньенок. А единственная старшая сестрица, вредина Лола, получает от этих визитов некоторое удовольствие тонко издеваясь над доверчивостью этих назойливых тупых куриц.

Я отшвырнул лук и опустевший колчан в сторону оруженосца и раздражённо направился в свои покои, переодеваться. Из открывшихся дверей ко мне метнулся огромный чёрный пёс, счастливо виляя хвостом, показывая, как он рад видеть своего любимого хозяина.

Как же мне не хочется ехать! В прошлом году я сдуру взял с собой Рекса. Думал, что любимая собака скрасит моё пребывание в том ненавистном месте. Как бы не так! Пришлось спасать верного друга от этих ненормальных. Мой умный красивый Рекс месяц светил проплешинами на боках. Благородные институтки в нескольких местах бесстрашно выстригли у моей огромной собаки шерсть. Когда директриса построила виновных в ряд строго допросила – выяснилось, что курицы пожелали оставить эти клочки шерсти себе на память о юном принце, которого они обожают. Некоторые даже розги приняли с восторгом, без слёз. Мерзко было смотреть. Эх! Сжёл бы их всех, благо, у меня тогда огонь уже проснулся, да отец не позволил.

– Они и должны тебя обожать, сын. Отличное воспитание, уважаемая! Я доволен, – похвалил он директрису.

Сегодня Арнольд, хитрюга, чтобы остаться дома, попытался сделать вид, что повредил ногу, упав с лошади. Но не прокатило... Отец обман насквозь видит. Правда, всё равно удачно получилось – мы задержались с выездом на целых два часа. Отец в наказание заставил брата самостоятельно вычистить конюшню. Я мысленно от души поблагодарил брата за отсрочку.

Мама и сестра недовольно кривились, а я, весело насвистывая, по поручению отца отправился в покои нашего наследника, сообщить об изменившемся времени отъезда. Когда я постучал и вошёл, брат, полностью одетый, внимательно смотрелся в зеркало. Я заметил, что Вольдемар собирается в институт для благородных девиц очень тщательно и с заметным удовольствием.

– Слышал, сегодня тебе в очередной раз позволят подобрать себе новую девчонку? – спросил я после того, как передал слова отца, не утерпел.

– Угу-м, – Вольдемар расправил пышные манжеты парадной рубашки.

Это будет уже третья институтка, с которой он будет забавляться до брака с драконицей. Две предыдущие уже пристроены в жёны чиновникам. Сколько ещё он их возьмёт до второго

совершеннолетия, которое наступит в двадцать пять лет? Я скривился. Так он весь благородный курятник к нам во дворец перетаскает.

– И зачем тебе это нужно? Что в них хорошего? – не выдержал я.

Эти институтки – писклявая липучая мерзость! Нам с Арнольдом девчонки абсолютно точно не нужны! Да, хоть бы их совсем не было!

– Нос не дорос, чтобы это понять, – рассмеялся старший брат.

Я насупился. При чём здесь нос? Что он со мной, как с ребёнком?! Мне уже двенадцать и в прошлом году проснулся мой огонь! Пусть Вольдемар на восемь лет старше меня, но это не значит...

– Ладно, ладно, братишка, не закипай. Вон уже искры вместе с дымом вылетают. Ты сам поймёшь зачем нужны девочки, когда придёт твоё время, поверь. Не спрашивай об этом ни у кого. Вряд ли, получишь ответ, а вот от насмешек не уйдёшь.

Ну, и ладно! Мы со средним братом, который старше меня всего на два года, понимаем друг друга лучше, чем с Вольдемаром. Арнольд тоже не любит девчонок. Правда, когда мы с ним говорили о Вольдемаре и его институтках, он корчил из себя всезнающего старейшину, и важно вещал, что после первого совершеннолетия, с восемнадцати лет, девки становятся нужны примерно так же, как у мужчин появляется необходимость бриться: хлопотно, досадно, но куда денешься – природа требует этих действий. Кстати, у Арнольда уже стали расти редкие волосинки на подбородке, которые жутко его раздражали. Их слишком мало, чтобы начать бриться, но он сам себе противен, когда смотрится в зеркало и замечает эту жидкую поросль на лице.

Подшло время визита. Неохотно плетусь к выезду.

– Зорий, поторопись сесть в экипаж! – отец до сих пор раздражён выходкой Арнольда, из-за которой мы задержались, поэтому говорит отрывисто и недовольно хмурится.

Вольдемар уже вальяжно развалился на сиденье рядом с матерью. На его довольном лице предвкушающее выражение. Эх, подраться бы с ним, чтобы не выглядел таким счастливым. Вдвоём с Арнольдом мы бы его сделали, хоть ему и двадцать.

Больше половины второго сидения экипажа, где должны расположиться мы с Арнольдом и Лола, занимают пышные юбки сестры. Расселась наша принцесса! И попробуй только чуть сдвинуть её драгоценные тряпки, такой визг поднимет! Сесть сверху? Ещё хуже. Матушка конечно, сразу поддержит любимую и единственную дочурку. Тогда ещё на час задержимся и отец будет в ярости. И чисткой конюшен я, как Арнольд, уже не отделаюсь. Нет уж. К такому, ради мелкой пакости Лоле и ещё одной небольшой отсрочки, я не готов. Эх! Ну, почему нам с Арнольдом всегда нужно сидеть в экипаже рядом с сестрой? Я бы лучше поехал, как отец, верхом! Но даже не заикаюсь о своём желании, бесполезно.

В прошлом году Арнольд уже просил у отца разрешения поехать в седле. Лола тут же захотела того же. Матушка вмиг забеспокоилась, что на улице слишком холодно. Чтобы их любимая девочка не замёрзла, ей приказали ехать в экипаже, а, чтобы она не сильно расстроилась, нам с братом велели сидеть там же.

Лола, как единственная маленькая драконица в нашей семье, вообще, на особом положении. В прошлом году, к примеру, во время визита в институт для благородных девиц, Лола заживо сожгла одну из тамошних куриц, которая, в волнении, дрожащими руками подавая чашку, нечаянно облила её очень горячим чаем. И ничего. Вместо сгоревшей сироты из Провинции быстро привезли другую, такую же. А сестру даже не выпороли. Зато, когда Арнольд всего лишь подпалил кончик косы какой-то слишком нахальной прилипале, при чём, та и наполовину не сгорела, отец наказал брата, на целый месяц лишив десерта. Я, конечно, по-братски делился с Арнольдом своим, но почему родители так несправедливы?

Приехали. Всю дорогу жались с братом вдвоём на половине сидения, как могли, не желая связываться с сестрой. Вот и ворота. Начинается новогодняя каторга. Хорошо, хоть опоздали на целых два часа! Снова благодарно смотрю на брата.

Главная курица – директриса – уже стоит, ждёт на крыльце, с ней весь взрослый курятник. Лица женщин обезображены угодливыми улыбочками. Ничего... Потерпеть всего один вечер! Сейчас... Посмотреть, как всегда, на очередное нудное выступление институток, потом совместный ужин и всё! Меня сюда не притащат до следующего Нового года!

Входим. Все, попадающиеся по пути в главный зал, приседают, кланяются, как подкошенные, все на одно лицо... За спиной слышу восторженные писк и, даже, звук падающего тела. Знакомо, привычно... Мы даже не оборачиваемся. Это какая-то курица упала в обморок. В прошлом и позапрошлом, и позапозапрошлом, году то же самое было. Лола вышагивает впереди нас с Арнольдом, как сама Правительница, задирает свой маленький нос выше матери. Сестре шестнадцать. Она надела в институт одно из своих лучших платьев и сейчас просто сверкает и подавляет роскошью жмущихся у стен институток, смотрит вокруг с презрением. Конечно, все эти ничтожества языком вылижут ей туфли по первому слову. А, если нет, умрут. И знают это. Всё равно, курицы встречают нас с собачьим восторгом, разве что, хвостиками не виляют за неимением оных.

Ледяная бездна!! Как же мне тут не нравится! Я бы лучше весь визит в экипаже пересидел. Но с отцом не поспоришь, мигом хвост поджарит, поэтому, иду со всеми, терплю.

В большом зале родителей, с поклонами, усаживают в кресла. На диване располагаются Лола, снова раскинув юбки и Вольдемар. Из-за юбок сестры нам с Арнольдом на диване не остаётся места, и растерянная директриса приказывает воспитанницам принести два мягких стула из её кабинета. Отец тут же приказывает нам с Арнольдом отправиться им в помощь. Он издевается?! Идём. Девицы семят следом за мною и братом тесным молчаливым овечьим стадом. Иногда, по пути, в этом стаде происходит яростная толкотня и девицы меняются местами. Их за двумя стульями пошло с нами пару десятков. Возможно, пошли бы все, но учителя вовремя спохватились и остановили тех, кого успели.

Естественно никаких стульев мы с Арнольдом даже не поднимали. Девки несли нас с братом на этих стульях до самого зала. Пыхтели, кряхтели, лица красные... У входа мы позволили им поставить нас на пол и бросили в награду за труд свои носовые платки. Они набросились на эти клочки ткани, как голодная свора собак. Впрочем, мы с братом долго не смотрели. Взяли по стулу и вошли в зал.

Наконец, сидим. Осталось переждать выступление и перетерпеть совместный ужин. Вольдемар с интересом разглядывает девиц в светло-голубом. Ему позволено выбирать из них, в крайнем случае, если очень приглянется, из тех, кто в сером, но последнее нежелательно.

Зазвучала музыка. Писклявые голосочки завывли песенку. Хористки выстроены по росту, к счастью, с противоположной от меня стороны.

Вдруг, до моего нюха донёсся волшебный аромат. Цветущие яблони... Зимой?! Что это? Внутри всё сладко замерло. Потом стало горячо в солнечном сплетении, жар усилился, запекло, по телу прошла волна дрожи. Я сам не понял, как подтянулся на своём стуле и сел, готовый к немедленному броску, непонятно, чем настолько встревоженный.

На импровизированной сцене шестеро тоненьких малышей в балетных пачках и с бумажными крылышками на спинках высоко прыгали и сучили ножками в воздухе, лёгкие, будто, невесомые. Но моё внимание совсем недолго было обращено на них.

По центру появилась она... Девочка с ароматом цветущей яблони...

На ней не было дурацкой пачки. Длинное, ниже колен, невесомое кисейное белое платье легко взлетало, когда она взмахивала длинной ножкой, её руки красиво изгибались в прекрасном танце, аккуратная головка на лебединой шейке была гордо поднята. А, когда она завертелась на одной ноге, у меня перехватило дыхание. Я так и не смог полностью восстано-

вить его, хотя моя Яблонька уже исчезла, и на импровизированной сцене появились девчонки постарше.

Спектакль плавно подходил к завершению, а я всё не мог вздохнуть нормально. Покоисился на отца и незаметно для него выскользнул в коридор, чтобы посмотреть ещё раз на ту девочку. Где же она?

В коридоре показалась стайка воспитанниц в коричневых платьях. Она среди них!

Подожёл. Дышу... Краем глаза замечаю, что все кланяются, но смотрю только на Яблоньку. Девочки вежливо приветствуют меня на ломаном драконьем языке. Она тоже. Какой у неё приятный голос, и какая она красивая! Присутствие остальных вызывает только досаду. Как такая славная девочка попала к этим курицам?

– Как тебя зовут? – смотрю на неё, люблюсь.

– Александра, мой принц! – отвечает Яблонька.

А голос какой нежный! Будто погладил меня изнутри и жар успокоил. Окружающие её девочки всё не уходят, мешаются своими запахами, рты раскрыли, пялятся на меня с обожанием.

Моя девочка смотрит иначе.

– Ты меня обожаешь? – отчего-то спрашиваю вдруг.

Хочу, чтобы обожала. Я про это обожание давно слышу и терпеть его не могу. Однако, если это будет она, тогда... ладно, так уж и быть.

Арнольд и Лола много раз над курицами потешались из-за него, а потом обсуждали свои проделки. Поэтому, я знаю, что для обожающей самое приятное что-либо получить в подарок от обожаемого. Решаю осчастливить эту чудесную девочку. Сейчас что-нибудь подарю ей. И не собачью кашку в коробочке, как Арнольд какой-то институтке в прошлом году. Задумаюсь... Что же ей дать? И вдруг слышу:

– Нет, мой принц. У меня другой предмет обожания.

Этот ответ вдруг вырывает из меня огонь. Слепая ярость внезапно туманит мозг до полной потери контроля над собой. Кого она обожает, если не меня?! Припаленные курицы с визгом убегают, а чудесная девочка стоит, смотрит испуганно. Мой огонь не принёс ей никакого вреда, хотя платье обуглилось. Как такое может быть? Я пришёл в такой ужас от того, что мог сжечь её! Даже не успел удивиться тому, что она осталась цела после моего спонтанного выброса.

Яблонька вдруг протягивает руку и едва касается моих губ.

– Ух, ты! Сделай так ещё, только в сторону. Как это у тебя получается? – она уже не боится, зачарованно смотрит на мой рот.

Меня от её касания будто парализовало. Ни рукой, ни ногой двинуть не могу. Чувствую, как внутри всё жгутом скручивается и в узел завязывается, в глазах потемнело. Я начал оседать на пол, теряя сознание.

Глава 6.

Лето в столице было не просто жарким, а знойным и душным. Или это мне просто казалось, что в родном городке оно было мягче? Не думала, что буду скучать не только по отцу, но и по родным местам.

Почему-то тоска по дому напала на меня только после родительского дня, который состоялся в последнее воскресенье весны. Из классов принесли и расставили по всему большому залу столы и стулья. Уроки в родительский день были упрощены, а форма одежды у всех девочек – парадная. Когда приезжали родственники, за нами, прямо на занятия, прибегали дежурные и провожали в зал. Я про себя малодушно просила Богов, чтобы ко мне приехали во время балета или драконьего языка.

Все девочки каждый раз с замиранием сердца смотрели на открывающиеся двери.

Меня забрали с рисования. Папа приехал один, без мачехи и сестры с братом. Мы, как и другие воспитанницы с проводывающими их родственниками, устроились за одним из столов. По узким проходам неторопливо прохаживались классные дамы или учителя, открыто прислушиваясь к нашим разговорам, а у входа в зал стояла сама директриса и зорко наблюдала за порядком.

Из рассказов старших, мы, первоклассницы, уже знали, что ни в коем случае нельзя плакать перед родителями и проситься домой. В прошлом году те, кто позволил себе такую слабость, были жестоко наказаны.

Из-за посторонних ушей мне было неловко говорить с папой свободно.

Я жадно всматривалась в родное лицо, односложно отвечая на вопросы. Похвасталась, что считаю себя лучшей ученицей и танцую балет. Я говорила о своих успехах не потому, что желала получить похвалу. Нет! Я просто хотела сделать что-то приятное для папы. Он показался мне таким грустным, что захотелось его хоть как-то порадовать!

Классная дама, проходя мимо нашего стола, довольно кивнула.

Потом, отец попытался рассказать мне о домашних. Я сначала спокойно, даже с интересом, слушала о том, что произошло в нашей семье и в родном городе за прошедший год. Другая, теперь недоступная мне жизнь... Внезапно, меня пронзила такая острая болезненная зависть к сестре и брату, которые живут с родителями, дома... Я резко поднялась и захотела уйти. Испугалась, что не сдержусь и заплачу. Папа остановил меня, обняв, и стало ещё хуже. Я вырвалась из его рук, скомкано попрощалась и убежала. Порыдала под лестницей в подвал, зажимая кулаком рот, чтобы никто не услышал, потом умылась и вернулась к урокам.

После родительского дня ещё с неделю, не только я, почти все воспитанницы ходили по институту, как пришибленные. А потом начались экзамены: переходные, между курсами и выпускные.

Случилось невероятное!

По результатам экзаменов за первый класс меня перевели сразу в четвёртый.

Это обсуждал весь институт. Даже выпускницы приходили посмотреть на меня.

Надо сказать, что в институте почти каждый год случалось, что какая-нибудь девочка или даже две, из тех, кого дома хорошо подготовили, по результатам переходных экзаменов после первого класса перепрыгивали сразу в третий, минуя второй.

Но ещё ни разу не было такого, чтобы воспитанницу переводили сразу через два курса.

Я не была этому рада. И тому было много причин.

Во-первых, хотя в четвёртом классе по возрасту было очень много моих настоящих ровесниц, которым, как и мне вскоре исполнится десять, и даже несколько девочек младше на год или два, именно я считалась младше всех – по метрике. К тому же, я казалась маленькой и хрупкой, не отличалась ростом и видимой крепостью сложения, как и все наши балетные.

Если в своём прежнем классе я привыкла чувствовать свой авторитет, то отношение новых одноклассниц ко мне было, мягко говоря, высокомерное.

Мне выдали синюю форму вместо коричневой, и я вместо «кофейницы» стала «синей». Кроме того, мне выделили шкафчик в другой рекреации и перевели в спальню для девочек четвёртого, пятого и шестого классов. Так жаль было моего нового синего одеяла, потому, что здесь были старые потёртые серые с розовыми полосами. А ещё, я еле-еле забрала из-под своего прежнего матраса тёплые носки и сунула их за пазуху. Соврала классной даме кофейниц, что пришла к подруге Анжеле, когда меня поймали в их спальне, куда мне теперь был вход воспрещён. Пришлось час простоять в углу в наказание. Но спасённые носки грели душу.

В столовой меня тоже пересадили. Теперь моё место было за средним столом. Это тоже было ужасно, поскольку обожаемая Степанида раздавала пищу кофейницам. Синих обслуживала другая работница кухни. Срочно менять предмет обожания мне было как-то не с руки – слишком заметно отдавало неприкрытой корыстью. Но и обожать Степаниду теперь теряло всякий смысл.

Хорошо, хоть всех девочек бывшего третьего, а ныне четвёртого класса я знала, поэтому не чувствовала себя совсем уж новенькой.

Всё плохое, что касается нового места и окружения я перечислила, но это только «во-первых»!

Во-вторых, у меня появились большие сложности в учёбе, я сразу перестала быть лучшей в классе. У всех бывших кофейниц к прежним добавились новые предметы: история, география и домашнее хозяйство. Ни один из новых предметов не показался мне особо интересным. К тому же, я привыкла, в основном, учиться легко, скорее повторяя пройденное со своим старым учителем, чем действительно постигая новое, а эти предметы мы с ним не проходили. Конечно, на новых уроках было не скучно, но самостоятельные задания спрашивали строго, а я не привыкла опасаться того, что сделаю ошибку, сомневаться в правильности ответа. А ещё, девочки, которые перешли с третьего класса, на два года дольше учили драконий язык, он такой трудный! Я на уроках ничего не понимала, как ни вслушивалась. По драконьему языку я, вообще, стала самой отстающей. Дошло до постоянной головной боли на этих уроках.

То, что я неожиданно, из кофейницы стала синей, пропустив обучение во втором и третьем классе, и превратилась из лучшей ученицы в отстающую ещё не всё. Теперь плавно перехожу к «в-третьих».

В-третьих, начиная с четвёртого класса у воспитанниц появлялись дополнительные обязанности. Мы уже не считались малышками-кофейницами, и полагалось приучать нас к труду.

В институте за хозяйственным двором были устроены грядки, на которые нас стали отправлять работать сразу после переходных экзаменов. Работа в земле всегда поручалась именно синим. Считалось, что девочки десяти-тринадцати лет уже достаточно взрослые, чтобы сделать прополку, но ещё маленькие, чтобы потоптать растения.

Я ненавидела прополку. Возможно потому, что в первый раз, толком не разобравшись, во всём порученном мне ряду выдернула из земли не те травинки и была наказана лишением обеда и стоянием на стуле в столовой, пока все ели.

Когда между нами распределяли дневные задания, почему-то чаще всего на грядки направляли Провинцию, считая, что Столичные хуже справятся с огородничеством. Ну и что, что я из провинции? Я горожанка! Родительский дом располагается в городе, и я никогда не возилась в земле! Мне так трудно разобраться отличить какие листочки сорная трава, а какие овощные культуры!

В следующий раз, после первого наказания я побоялась дёргать любую мохнатую траву, похожую на морковь и в результате мне досталось уже за отвратительную прополку – меня лишили ужина. Так я довыращиваюсь овощей до того, что буду сорную траву есть с голоду.

В общем, хотя мои бывшие одноклассницы поздравляли меня и с завистью говорили, что мой срок пребывания в институте для благородных девиц стал на два года короче, я совершенно не чувствовала себя счастливой, скорее, наоборот.

А я кое-что вспомнила и чувствую, что это... как-то касается младшего принца.

Мне кажется, что это он виноват в моих проблемах!

Зимой, на новогоднем празднике, когда он начал падать на пол возле меня и я перепугано осмотрелась вокруг в поисках помощи, заметила бегущую к нам толпу во главе с самим Правителем.

Уже потом я узнала, что внезапное появление в зале шести кричащих обожжённых воспитанниц вызвало огромный переполох.

По плану семеро самых маленьких балерин после своего выступления должны были тихонечко убежать в ближайшую классную комнату, там переодеться в форму и незаметно, ещё до окончания спектакля, занять оставленные им сзади места на крайних стульях. Мы танцевали лишь в самом начале, недолго, основное действие показывали девочки постарше. По задумке Майи Рудольфовны, именно они должны были кланяться в конце спектакля и получать заслуженные восторг и овации.

Мария виртуозно крутила фуэте под музыку небольшого оркестра и слаженное пение хористок, когда в самый кульминационный, как говорит Майя Рудольфовна, момент «Небесной девы», распахнулись двери и в зал с воем вбежали перепуганные девочки с тлеющими волосами, перепачканными в саже лицами и в обгорелой одежде. Поднялась невообразимая паника.

Анфиса, которая стояла первой в ряду хористок и всё хорошо видела, рассказывала мне, что всё продолжалось какие-то мгновения. Вбежавшие в зал обгоревшие балерины-кофейницы страшно кричали и выли. Большинство воспитанниц разом вскочили со своих мест и стали взволнованно переговариваться, а некоторые девушки упали в обморок, красиво раскинувшись на освободившихся стульях. Балетные сбились с танца и растерянно встали. Оркестр вразной перестал играть и только одна растерянная девочка долго продолжала ритмично бить в бубен. Директриса, срывая голос и перекрывая возникший шум, приказала двоим учителям немедленно отвести маленьких балерин в лазарет. Адам Бенедиктович поспешил следом.

Правящий дракон выглядел гневным и страшным! Он сразу заметил отсутствие младшего принца и, видимо, принял случившееся за его жестокую шалость, потому, что грозно заорал:

– Зорий!

Мгновение подождав младшего принца, он раздражённым широким шагом направился к выходу. За ним двинулась вся его семья, директриса, учителя и воспитанницы. Остались в зале лишь хор, балет и оркестр, которые без разрешения не решились покинуть обозначенные места до конца представления. Так они и стояли, умирая от любопытства, пока не пришла Майя Рудольфовна и не приказала балетным идти переодеваться, а остальным отправляться в свои классы – праздник закончился.

Позже мы с девочками обменялись своими рассказами и восстановили полную картину произошедшего.

Когда Правитель вышел из зала и увидел падающего сына, он кинулся к нему и едва успел подхватить у самого пола. Меня при этом потоком воздуха отшвырнуло к стене, больно ударив плечом. Майя Рудольфовна, оказавшаяся рядом и заметившая мою обгорелую одежду, не разбираясь, затолкала меня в лазарет, который к счастью был недалеко от большого зала. Туда передо мной уже заташили остальных балерин –кофейниц, попавших под огонь принца.

Младший принц на руках у отца не приходил в себя, несмотря на все его действия.

– Лекаря! – заревел Правитель так, что мы с девочками в лазарете чуть не описались.

Адам Бенедиктович, который суетился, спеша помочь нам, бросил на стол банку с мазью от ожогов и на ходу велел самим смазать друг другу раны, подбежал к драконам. Потом он ещё возвращался в лазарет за своим лекарским чемоданчиком, но в нашу сторону даже не взглянул.

Пока девочки осторожно и неумело обрабатывали свои ожоги, я приоткрыла дверь и через щёлочку выглянула в коридор. Правитель лично взял сына на руки и понёс к экипажам. Наш доктор посеменил за ним. Как потом выяснилось, наш Адам Бенедиктович поехал сопровождать бессознательного младшего принца во дворец, чтобы передать пострадавшего с рук на руки дворцовому лекарю.

Я захлопнула дверь. Начала помогать девочкам. Они уже отошли от первого шока, не кричали, но, всё равно, непрерывно плакали. Хорошо, что у доктора мазь чудодейственная оказалась. Быстро помогла снять сильную боль.

Я до слёз жалела, что в тот день нам в лазарет забыли принести ужин. Девочки рассказывали, что он был великолепен! Конечно! Ожидалось, что на нём будет присутствовать семья Правящего дракона! Правда, они говорили, что обстановка была гнетущей из-за того, что учителя и классные дамы выглядели испуганными. Никто толком не понимал, что именно произошло. Воспитанницы только смогли пронюхать, что у младшего дракона был спонтанный выброс огня. Такой бывает у подростков драконов от сильного волнения. Никто не мог понять, что именно в нашем институте настолько сильно взволновало принца.

Как-то, где-то через два месяца после новогодних событий, когда мы с девочками переодевались после вечернего урока балета, старшие сплетничали, что принца снова поймали под нашим забором, когда он пытался перелезть через него. Говорили, что уже не в первый раз он норовит проникнуть на нашу территорию.

– Хорошо, что он ещё летать не может!

– Да! А вдруг он всё же перелезет и сожжёт тут всё?

Старшеклассницы делали испуганные круглые глаза, но настоящего страха я в их словах не чувствовала, скорее обычное недоумение и любопытство.

А совсем ближе к лету, Анна Николаевна послала меня с поручением, отнести наши лучшие вышивки в кабинет директрисы. Приноравливаясь открыть дверь, я неловко пристроила стопку вышивок под мышкой, и уже хотела постучать, как заметила, что она затворена неплотно и услышала имя, произносимое мужским голосом – Александра. Конечно, я не одна Александра в институте, есть и другие, но...

Я притаилась и прильнула ухом к щели.

До меня донеслись обрывки разговора.

– ... сразу в третий...

– ... по возрасту можно и в четвёртый...

– ... такого не бывало...

– ... пожелание Правителя... возраст позволяет... восемь лет...

Только после переходных экзаменов я догадалась, что тот подслушанный разговор касался именно меня.

Пожелание Правителя... Иногда я задумывалась, зачем ему это нужно? Строила догадки. Пугалась, что дракон узнал об исправлениях в моей метрике. Предполагала, что Правитель определил меня туда, где я должна быть по возрасту. Потом отбрасывала эти идеи, потому, что вспоминала подслушанные слова «восемь лет». Мне же в первый день осени будет десять.

Кстати, этим летом произошло ещё одно событие, которое произвело на меня незабываемое впечатление – выпускной институток. Как мы их провожали!!!

За нашими девушками, нарядными, с высокими причёсками, прибыли экипажи из дворца Правящего дракона и увезли всех красавиц на самый первый бал в их жизни.

Обратно вернулись не все. Младшие воспитанницы, вообще-то, никак не могли узнать такие новости, а вот, мы, двое несчастных балетных, которых оставили сидеть в растяжке, подслушали разговор Майи Рудольфовны и моей новой классной дамы, Азалии Львовны.

– Уж бедная Машенька и в ноги ему падала, колени обнимала, умоляла не губить её заветную мечту стать балериной.

– Бедняжка... Такая способная...

– После она и Правителю кланялась, про своё огромное желание посвятить жизнь танцу и работать в театре рассказывала.

– И не послушал?

– Нет, конечно. Что им до её желаний и мечтаний! Увели девочку из тронного зала. Почти утащили под руки в её новые покои содержанки Наследного Принца.

– Теперь ей только и остаётся надеяться, что он быстро ею наиграется и отпустит с миром. Тогда, возможно, ещё сможет вернуться к танцам.

– Да... И ещё, молиться, чтобы Боги от беременности уберегли.

– Человеческие женщины от драконов редко беременеют.

– Зато из тех, кто забеременел – ещё ни одна не выжила.

– Да знаю, знаю. Дети тоже, кстати, чаще мёртвыми, или больными рождаются, долго не живут. Говорят, потому, что у отца и матери кровь разная...

– Вряд ли после принца наша Машенька сможет балериной остаться. Замуж девку выдают и всё. За бывшими содержанками драконов очередь из солидных женихов. Наши институтки покорные жёны и приданное принцы хорошее дают.

– Ладно, не будем грустить, не так уж всё и плохо. Переплачет и успокоится. А жаль, талант у девочки. Не было у меня ученицы лучше неё, – вздохнула Майя Рудольфовна и охнула, прикрыв рот ладонью. Она только сейчас вспомнила, что оставила нас с Ольгой сидеть на шпагате.

А я почему-то вспомнила тот разговор в кабинете директрисы о моём переводе сразу в четвёртый класс и сердце кольнуло нехорошим предчувствием.

Глава 7.

В течение двух месяцев отец пытался противостоять моей одержимости Яблонькой, но вынужден был признать своё поражение. Не только он, но и мать, и братья, и даже Лола, были обеспокоены и не понимали, что со мной происходит.

Я потребовал доставить её в наш дворец сразу, едва очнувшись в собственной постели и поняв, что нахожусь в своих личных покоях. У моей постели дежурила вся семья.

– И тебя не волнует, что ты сегодня едва не сжёг семерых маленьких девочек. От твоего спонтанного выброса они чудом спаслись. Ты даже не спросишь о состоянии их здоровья? – гневно выговаривал мне отец.

Но по тому, как его глаза обеспокоенно обследовали моё лицо, я видел, что сам он встревожен исключительно моим состоянием после такого мощного для новорождённого дракона огненного выброса. Конечно, ведь я ещё даже не начал оборачиваться! Пока что у меня пробивались лишь дым и огонь из ноздрей и рта в человеческой ипостаси.

– Пап, я видел, что они убежали своими ногами, значит, с девочками всё будет в порядке. Я знаю, что применение нашей мази от ожогов даже шрамов на их шкурках не оставит, если обработать раны в первые сутки. И знаю, что в девичьем институте эта мазь есть. Мама при мне вручала её директорше после происшествия с Лолой, – равнодушно ответил я.

– Видел он... Знает он... Чем был вызван выброс? – ворчливо спросил отец.

– Она одна из девочек сказала, что обожает... не меня, – пришлось признаться мне.

Я никогда не мог солгать отцу или умолчать о чём-то. Бездна! Вот сейчас мне очень хотелось ничего не отвечать.

– Сын... – начал папа и сколько ласковой укоризны в его голосе, что я покраснел до корней волос.

– Да, папа? – я изо всех сил старался держать себя в руках.

После выброса жжение в моей груди исчезло, но появилась невыносимо тянущая пустота. При этом, я почему-то был уверен, что, если сейчас в мои комнаты войдёт Яблонька, я сразу почувствую себя прекрасно.

– Зорий, ты слишком рано заинтересовался девочками. Ладно. Отдыхай, – отец направился к выходу из моей комнаты.

– А Яблонька? То есть, воспитанница Александра? – приподнялся я. – Я хочу её во дворец. Она же может жить здесь!

– Нет.

Захлопнулась дверь, ставя гулкую точку в нашем первом разговоре с отцом об этой девочке.

Первом, но далеко не последнем...

Меня настолько тянуло снова встретиться или, хотя бы, увидеть свою маленькую институтку, что я с трудом дождался разрешения дворцового лекаря сменить постельный режим на обычный. Я, честно признаюсь, и не ждал бы, если бы не десяток круглосуточных сиделок у моей постели. Никак не получалось вырваться из-под их пристального надзора.

К счастью, мой молодой организм быстро восстановил силы, и, вскоре, я уже спешил к западным воротам дворца, которые выходили на улицу, что вела в сторону института.

Оба гвардейца из охранной будки у ворот, буквально, кинулись под копыта моей лошади, тормозя меня уже на выезде. Я раздражённо поднял руку с хлыстом, но не успел их отогнать, потому, что, по несчастливой случайности, через эти же ворота как раз откуда-то возвращался домой Вольдемар.

– И куда это собрался, мой маленький братишка? Да, ещё один! Ты же только встал после болезни! Зорий, тебе отец разрешил выезжать одному? – заволновался он.

Старший брат решительно развернул мою лошадь, а потом, оттащил меня к отцу. И мне, как обычно, пришлось рассказать тому правду.

– Я просто хотел увидеть Яблоньку...

– Да что за Яблонька? – раздражённо всплеснул руками отец.

– Я же говорил уже... Это девочка, из маленьких. Она танцевала Небесную деву в детстве. Её зовут Александра. Она очень красивая папа.

– Зорий, тебе этой весной исполнится всего тринадцать. До первого выбора содержанки еще пять лет с небольшим. Выбрось из головы эти глупости и займись учёбой! – строго потребовал отец и выпустил дымное облачко из ноздрей, что говорило о том, что он не на шутку раздражён.

Но я не мог! Не мог... Тянуло меня к Яблоньке с непреодолимой силой... Просто посмотреть на неё хотел... вдохнуть её аромат... подышать одним воздухом рядом с этой девочкой... возможно, немного поговорить. Сказать ей, чтобы она обожала меня, только меня!

Видимо, слугам, охране и гвардейцам был отдан особый приказ, потому, что, с тех пор, следующие два месяца меня несколько раз останавливали у ворот, пару раз ловили на улице по дороге к институту для благородных девиц, а дважды снимали уже с забора, окружавшего это заведение.

Я так и не смог добраться до Яблоньки или увидеть её. Хотя, один раз, наблюдал, сидя на верху институтского забора, гуляющих в парке у фонтана институток постарше.

Андарский лекарь, который служил при дворе Правящего дракона, как-то сказал отцу, что моё поведение напоминает ему поведение драконов Андарики, когда они чувствуют истинную пару.

Отец только посмеялся этому.

Во-первых, наша страна слишком далеко от Андарики и местные драконы, из которых состоит правящая верхушка, за несколько столетий уже давно переродились и акклиматизировались. За всю историю воцарения ящеров на этих землях не было зафиксировано случая создания на этих территориях истинной пары.

А во-вторых, отец сказал, что я ещё ребёнок, который даже не оборачивается пока, куда там пару учуять!

– Блажь это! От вседозволенности драконы совсем отучились хотелки свои в узде держать! – распекал всех окружающих отец.

Из-за меня всем досталось: и Лоле, и наследнику, и маме, и Арнольду, и министрам с советниками. Поэтому, меня ловили и прикрывали от отца мои попытки увидеться с Александрой всем дворцом.

Но до него, всё же, информация доходила. Разгневанный моей настырностью, отец, собрал семейный совет, состоящий, кроме него, из мамы и Вольдемара, и, в сопровождении отряда гвардейцев, отправил меня учиться в военную академию Андарики, в страну драконов, среди жителей которой не было ни одного человека.

Туда несколько часов лёта, а по земле мы добирались два месяца через цепь горных перевалов. Моя милая Яблонька осталась далеко, в родном городе. Я думал о ней всю дорогу и искренне горевал, что не раздобыл какой-нибудь её вещицы или портрета.

В военной академии, куда меня отправил отец, срок обучения был пять лет. Один раз в год, летом, андарским кадетам был положен месяц каникул при условии успешной сдачи всех экзаменов и нормативов.

Однако, мой отец сказал, что я смогу прилететь домой на побывку только тогда, когда самостоятельно встану на крыло.

Только здесь, в военной академии я по-другому посмотрел на жизнь тех девочек, которых наша семья навещала каждый новый год. Я понял, как именно живёт моя Александра.

Стало стыдно за то презрение, с которым я смотрел на ровные ряды убогих кроватей в девчоночьих спальнях, когда отцу пришло в голову пройтись по ним во время очередного визита. Тогда я думал: «Какое убожество!». Так и было, конечно, по сравнению со спальнями принцев! Теперь моя койка в казарме, жёсткий матрас и тонкое одеяло, которое совсем не согревало по ночам, живо напомнили мне, что моя Яблонька живёт в таких же условиях. А ведь она – нежная хрупкая девочка! В свою первую ночь в казарме я натягивал на себя одеяло, пытаюсь укутаться в него, чтобы согреться, и вспоминал длинную тонкую шейку и худенькое тельце своей Яблоньки. А утром писал отцу, требуя позаботиться о том, чтобы институтки получили тёплые одеяла к зиме. Вот только совсем не был уверен в том, что отец прислушается к моим требованиям.

А ещё, весь первый год обучения я почему-то часто вспоминал, как в какой-то новогодний визит мы всей семьёй, вальяжно развалившись, сидели и наблюдали урок балета в институте благородных девиц. В тот раз мы с Арнольдом откровенно скучали, а одинаковые худенькие девочки снова и снова выполняли упражнения у станка. Несмотря на то, что в академии я сейчас делал совсем другие упражнения, только теперь я понял, как трудно было тем малышкам. А ведь моя Яблонька тоже танцует! Значит она тоже так занимается. И я выкладывался на тренировках, представляя, что сейчас мы делаем с ней вместе что-то похожее.

Жёсткий режим, тяжёлые тренировки, простая пища и друзья драконы – всё это помогало мне успешно терпеть постоянное желание бежать, ехать, лететь к Яблоньке, которое жило во мне и иногда становилось невыносимым до жгучей боли в груди. Я не забывал о девочке ни на миг, нет! Я просто смог жить, учиться, тренироваться и ждать с ней встречи.

Обернуться драконом у меня получилось через год, той весной, когда мне исполнилось четырнадцать. После первого оборота, как и у всех молодых драконов, мои крылья были ещё так слабы, что не могло быть и речи о полёте. И всё же я был счастлив! Парни моего курса завидовали мне и восхищались. Первый оборот раньше пятнадцати был редкостью и говорил о том, что мой дракон будет невероятно сильным. Я же был счастлив, потому что это событие приближало меня к тому моменту, когда я смогу полететь домой.

Обычно на то, чтобы встать на крыло после первого оборота уходит три года тренировок, но я хотел скорее увидеть Яблоньку, поэтому работал крыльями до кровавой пелены перед глазами. Я был готов через два года после оборота.

Не помня себя от счастья, я впервые летел домой спустя три с половиной года, после того, как меня отправили в Андарию.

Почти все мысли были о Яблоньке. Мне дали всего месяц отпуска. Смогу ли я увидеться с ней? Смогу! Как этого добиться? Добьюсь чего бы это мне не стоило! Как уговорить отца? Уговорю! Он не сможет мне помешать! Никто не сможет! Мне уже пошёл семнадцатый год. Я – дракон! Очень сильный дракон!

Я был настроен решительно и воинственно.

Столица встретила меня золотом падающих листьев и объятиями родных.

– Возмужал-то как! – отец не сдержался, крепко обнял.

Было так странно заметить, что он стал ниже меня ростом.

– Так не честно, брат! Ты стал выше меня, а я, между прочим, на два года старше! – шуточно возмутился Арнольд, тоже обнимая меня.

– Согласен, братец! Пап, посмотри, он шире меня в плечах! – восхищался наследник.

– Красавчик! Все девочки твои! – смеялась Лола, целуя по-сестрински.

– Сынок, ты похудел, – мама гладила мои немного впалые щёки и плакала, в то же время, улыбаясь.

Я не смог вытерпеть и дня. Когда схлынули первые восторги от встречи, когда мы с братьями и отцом торжественно вместе облетели столицу, любуясь ею с высоты птичьего полёта,

когда завершился торжественный ужин в честь моего прибытия, я остановил отца, уже пожелавшего мне спокойной ночи, и произнёс.

– Папа, я хочу её увидеть.

Был готов к недоумённым вопросам, возмущению или неприятию. Я был настроен бороться за возможность увидеть Александру, не только со своей семьёй, со всем миром! Но не пришлось.

– Я придумаю что-нибудь подходящее, – тут же сказала мама. – Завтра поговорим. Сегодня отдыхай, сынок.

Только кивнул согласно. Хорошо, до завтра я могу подождать. Тем более, что уже наступила ночь.

А утром, прямо за совместным завтраком, мама озвучила свой план.

– Я предлагаю пригласить балет институток выступить на дне рождения Лолы. Ей исполняется двадцать, круглая дата. Насколько я знаю, этой девочке, которая понравилась Зорию, этим летом уже выдали серую форму и она стала «мышкой», как называют институток с седьмого по девятый классы. По правилам, «мышкам» и выпускницам уже позволено изредка покидать территорию института благородных девиц для визитов во дворец, прогулок в центральном парке и посещения Главного храма столицы, – довольно произнесла мама. – Балет на день рождения принцессы – достойный повод для визита.

Отец согласно кивнул.

Два дня.

День рождения сестры через два дня.

Я, наконец, увижу её, мою Яблоньку, мою Александру!

Накануне праздника отец пришёл в мои покои. Он выглядел странно. Я насторожился.

– Сынок, – обеспокоенно произнёс он, пряча взгляд от неловкости. – Она... Александра твоя – маленькая девочка. Ей всего одиннадцать.

Не сразу, но я, вдруг, понял, о чем он. Нам, драконам, действительно, всё дозволено в этом мире, но всё же отец не может допустить, подобное бесчестье для меня. Не хочет, чтобы я обидел маленькую девочку.

– Понимаю, папа. Не волнуйся. Я просто хочу увидеть её. Поговорить. Подарить подарок.

Отец ушёл, а я, не в состоянии уснуть в нетерпении заметался по комнате.

Завтра! Увижу её завтра!

Никто не понимает, насколько я нуждаюсь в том, чтобы, хотя бы, побыть с ней рядом, вдохнуть её аромат! Яблонька моя...

Глава 8.

Прошло-проползло-пролетело три года. Ползло время на уроках драконьего языка и хореографии, а летело – во время ночного сна и рисования.

Первый день осени порадовал меня непривычно солнечной и тёплой погодой. Я приняла это, как милый подарок Богов на моё тринадцатилетие. Других подарков всё равно не было. В институтском парке на многих деревьях листья уже пожелтели, но осыпались пока лениво, нехотя. На прогулке я сидела одна на бортике у фонтана, который сегодня почему-то отключили, и, задумчиво рассматривая каменную морду дракона подводила итоги.

Итак, сегодня мне исполнилось тринадцать. Впрочем, все окружающие по-прежнему были уверены, что мне на два года меньше, в том числе, и Адам Бенедиктович.

– Александра рановато созревает, – услышала я, как наш старенький институтский доктор говорит обо мне моей классной даме, Азалии Львовне во время планового осмотра.

Я не удивилась, потому, что тоже всё больше начинала чувствовать и замечать изменения, происходящие в моём теле.

Впрочем, несмотря на наличие таких же грудок, как у всех одноклассниц, маленьких, но уже заметно выпирающих, все помнили, что это я перескочила сразу через два курса. Отношение ко мне по-прежнему оставалось, как к самой младшей в классе, со всеми вытекающими последствиями. Я часто оказывалась среди тех, кому доставались самые противные или неприятные работы, полола самые заросшие грядки, меня чаще других посылали что-то принести или подать, и, почему-то, именно меня считали во всём слабее всех других девочек в классе.

В первый год пребывания в институте благородных девиц мне было здесь всё ново и интересно. Я считалась лучшей ученицей класса. Некоторые девочки обожали меня. Майя Рудольфовна назначила солисткой кофейной группы балета.

В общем, несмотря на определённые трудности, было много хорошего. Я осваивалась, знакомилась со всеми, многое узнала о местных порядках и правилах. За целый год меня ни разу не наказали розгами! Не то, что дома! Я даже перескочила сразу в четвёртый класс, чем очень недолго гордилась, считая себя редкой умницей, забывая, что на самом деле я старше на два года и по сути оказалась там, где должна быть.

Да. Весь первый год в институте для благородных девиц, очень волнующий и полный событий, был для меня, в целом, счастливым.

А вот, следующие три года оказались совсем иными... И всё из-за перехода сразу через два курса.

Прежде всего, я в один миг перестала быть лучшей...

Много позже нашла в этом для себя небольшие преимущества: учителя, особенно драконьего языка, относились ко мне гораздо снисходительнее и намного реже наказывали или отчитывали.

Сейчас думаю, что в целом, если честно, это были тоскливые и трудные три года.

Время шло. Один день сменялся другим и был он как две капли воды похож на предыдущий. В моей, уже привычно трудной, институтской жизни ничего особо нового не происходило.

Мы всюду ходили строем, в колонне по двое: в столовую, на занятия, на прогулку, на репетиции, в купальни. Я, как все, старалась соблюдать тишину, чтобы не схлопотать наказание. В отличие от первого года, следующие три я очень много училась, а ещё больше занималась физическими упражнениями и танцевала. При этом, если в первый год меня осыпали похвалами, то потом чаще отчитывали и наказывали, хорошо, хоть, не били. Если дома, провинившись, я боялась, что мне причинят боль, то в институте старалась избегать наказаний потому, что это было стыдно.

Мне удавалось делать небольшие успехи в рисовании и, само собой, я была хороша на хореографии и в балете, но во всём остальном оказалось больше проблем и неудач.

Например, драконий язык всю душу из меня вынул! На этих уроках особенно сильно чувствовалось моё отставание на целых два курса. Каждый следующий год я едва-едва сдавала его на переходных экзаменах. А этим летом учитель предупредила меня, что, если я так и не возьмусь за ум, то останусь в седьмом классе на второй год. Это было очень обидно! Я за этот ум берусь! Хватаюсь! Не получается у меня с драконьим языком ничего! Поэтому я его не-на-ви-жу! Он не лезет в мою голову, никак! Как-то занимаюсь я вечером в классе, и ловлю себя на том, что, повторяя двадцать раз какое-то очередное шипящее слово, я рассматриваю стайку воробьёв за окном и пытаюсь посчитать сколько на ветке птичек! Да я бы и сама попросила директрису оставить меня на второй год, если бы это не было так позорно.

Так что, сейчас меня не особо радовало то, что минувшим летом я кое-как сдала переходные экзамены за шестой класс и перешла в седьмой.

Холодный каменный бортик фонтана начал чувствоваться сквозь платье, поэтому я поднялась и, не спеша, пошла в глубь парка. Кофейниц и синих классные дамы уже увели в классы, а мышки и выпускницы ещё бродили по дорожкам.

Получив красивую серую форму, я стала «мышкой». Так звали у нас в институте воспитанниц с седьмого по девятый класс, которым выдавали серые платья. «Хорошо, хоть не крыски», – подумала я, когда впервые услышала это прозвище.

Нет, в целом, всё у меня неплохо. В основном благодаря тому, что я по-прежнему танцую балет. При чём, к счастью, так и осталась солисткой! Я уверенно заняла эту позицию в возрастной группе синих, потому, что в тот год их прежняя лучшая балерина Наталия как раз перешла в седьмой класс и стала мышкой. Если какая-то другая девочка и мечтала занять это место, у неё ничего не получилось. Майя Рудольфовна сразу назначила меня.

Я же, только благодаря балету, чувствую к себе хоть какое-то уважение нынешних одноклассниц. Поэтому по-другому теперь смотрю на это занятие и работаю над собой, чтобы не потерять место солистки. Хочется остаться лучшей хоть в чём-то.

Кстати, среди выпускниц этого года Наталия назначена новой солисткой. Она не умеет настолько красиво изгибать руки, как это делала Мария, или легко и высоко подпрыгивать, как прошлогодняя солистка выпускного класса Элеонора, зато бесконечно и очень быстро вертит фуэте, как волчок, честное слово. Этот трюк так, как Наталия, никто из девочек не может повторить.

К сожалению, я не выделяюсь особым умением. Просто, пусть не так, как Мария, но всё же красивее других девочек работаю руками. И прыгаю я хуже Элеоноры, но лучше остальных наших балерин. Фуэте кручу далеко не так, как Наталия, но дольше всех девочек среди балетной группы мышек.

Майя Рудольфовна мною довольна, но по-прежнему часто заставляет заниматься дополнительно, да не танцевать, а выполнять одни и те же нудные и тяжёлые упражнения!

В общем, хореографию и балет я по-прежнему не особо люблю, но смирилась и стараюсь. Из-за балета меня многие девочки обожают, а это приятно.

Кстати, я по-прежнему обожаю Степаниду. В этом году пришла новая работница кухни. Её поставили к кофейницам, а мою Степаниду перевели обслуживать наш стол. Как же чудненько, что я ей не изменила!

Сейчас я думаю, что это хороший знак.

Минувшим летом я уже не всегда сама полола грядки. Эту работу за меня выполняли обожающие. Жаль, что я не сразу додумалась приладить их к этому делу, и в предыдущие два лета работала сама.

Мышек, кстати, на огороды не посылают, у нас более трудные задачи. Нас привлекают ко всем хозяйственным работам в институте. Так сказать, практические занятия по домашнему

хозяйству. Все девочки хотят стать содержанками драконов или выйти замуж, но также все понимают, что большинство из нас станут всего лишь экономками, гувернантками или компаньонками пожилых дам. Некоторые смогут попробовать поступить служить в театр. Все наши балетные мечтают об этом.

Мышки и выпускницы иногда, по приглашению семьи Правящего Дракона, выезжают танцевать во дворец. На эти выступления часто смотрит сам директор театра. Все наши балерины страстно мечтают понравиться ему, завидуют солисткам, у которых больше шансов быть замеченными и принятыми на службу в балетную труппу.

На мой взгляд, завидовать нечему. Все три года Наследный принц забирал себе во дворец очередную выпускницу, солистку балета, выдавая свою прежнюю содержанку замуж. А в этом году, говорят, уже и средний принц впервые будет выбирать девушку, потому, что ему исполнилось восемнадцать.

Но все выпускницы этого года, кроме некоторых балерин, умирают от волнения, желая попасть в содержанки к принцам. Это избавит их от необходимости работать до конца жизни и обеспечит завидные партии. Всех бывших содержанок наследного принца выдали замуж, и Марию тоже. Многие наши учителя между собой говорят, что нынешним девочкам повезло, что они выпускаются тогда, когда принцы берут девушек. Драконы делают это только до женитьбы на драконице в двадцать пять лет. Вот другие драконы, которые берут содержанок, не всегда так хорошо заботятся о будущем брошенных девочек. Многие просто дают им немного денег на первое время.

Я бы не хотела оказаться в содержанках. Лучше уж служить в театре. Софья тоже так думает.

Кстати, в группе кофейниц два года солисткой в балетной группе была она. Тогда сбылось самое заветное желание Софьи. Анфиса рассказывала мне, что она сама делает растяжки или упражнения каждую свободную минуту. Потом целый год, пока мы с Софьей обе были синими, она в четвёртом классе, а я в шестом, Соня снова с трудом терпела меня на ведущих ролях. Она так смотрела на меня иногда, что мне казалось – убить хочет. Правда! Столько ненависти! Теперь, когда я перешла к мышкам, Майя Рудольфовна назначила Софью солисткой в группе синих. И я рада, что на два года избавилась от её, будто, прожигающего дыру в коже, взгляда.

А в моей новой группе, до моего перехода, солисткой хотела стать девятиклассница Ольга. Сейчас она мой главный балетный враг, точнее, я – её. Это ведь не я хочу враждовать.

На все три минувших новогодних праздника мы ставили разные спектакли. Я во всех постановках солировала в группе синих. Все девочки не обошли вниманием тот факт, что семья правящего дракона приезжала к нам на праздник без младшего принца. В родительский день, кто-то принёс новость, что его отправили учиться или лечиться в другую, очень далёкую страну. Мы с девочками долго обсуждали между собой эту новость.

Азалия Львовна позвала строиться. Прогулка закончилась, и мы сейчас парами пойдём в классы. Мы уже стали мышками, но кое-что остаётся неизменным, как у кофейниц.

Глава 9

С седьмого класса ко всем прочим наукам нам добавили новые предметы: во-первых, опытную физику, которая мне очень понравилась, потому, что уроки были забавные и самостоятельные задания не задавали; во-вторых, историю архитектуры – науку скучноватую, но, лично для меня, понятную и легкую для изучения; в-третьих, геральдику.

Вот геральдика... Полезности и применения этой науки я не понимала. На уроке я с жалостью смотрела на нашего учителя. Не хотела бы я посвятить жизнь изучению гербов, традиций и практики их использования. За месяц я так и не поняла: зачем они нужны? К чему нам изучать строение, употребление, правовой статус гербов и их соответствие особым, исторически сложившимся правилам? Эта самая геральдика определяет, что и как может быть нанесено на государственный герб или фамильный герб, объясняет значение тех или иных фигур. К счастью, рисунки запоминала легко, поэтому этот бесполезный, по моему разумению, предмет, хотя бы, не показался сложным. И на том спасибо Богам!

Я быстро прочувствовала, что из-за увеличения количества уроков и балетной нагрузки, свободного времени у нас «мышек» остаётся совсем немного. Хорошо, что в нашем расписании остались обязательные ежедневные часовые прогулки в парке после обеда.

Прогулки я обожала. Старалась отойти в сторону ото всех, чтобы полюбоваться природой и насладиться относительным одиночеством. Здесь в институте остаться наедине с собой можно только в спальне под одеялом или во время одного из наказаний, когда провинившуюся запирают в подвальной кладовой.

Мне не подходят оба эти варианта уединения. Я так устаю, что засыпаю, едва голова касается подушки. А настолько провиниться, чтобы быть запертой в подвале ещё не приходилось, да и не хочется. Поэтому, пока я просто удалялась в парке от остальных на максимально допустимое классной дамой расстояние и отворачивалась от всех девчонок.

Сегодня снова стояла удивительно тёплая и солнечная для осени погода.

– Александра!

Я оглянулась на зов и увидела, что ко мне бежит Ольга.

Классная дама с укоризненным выражением лица покосилась в нашу сторону. Я сразу поняла её неудовольствие: воспитанницы должны передвигаться степенно, говорить приглушенно.

– Азалия Львовна смотрит, – тихо предупредила девятиклассницу. Что ей от меня надо?

Ольга мгновенно опустила голову и пошла медленно. Я стояла в самом конце кленовой аллеи и с любопытством ждала пока она сама подойдёт. Ничего хорошего от своей соперницы по балетной группе я не ждала, поэтому даже не подумала пойти навстречу. Едва Ольга приблизилась ко мне, она крепко подхватила меня под руку и потащила за собой ближе к забору, прямо по ещё зелёной траве, потому что выложенная каменными плитами дорожка закончилась.

– Эй! Да, что тебе надо? – попыталась я незаметно вывернуться.

Привлекать внимание классной дамы не хотелось, потому, что, если Азалия Львовна заметит нашу потасовку, разбираться не будет, накажет обеих.

– Только что у нас был урок хореографии, – загадочно прошептала Ольга, хотя рядом никого не было и можно было говорить нормально.

– Ну и что?

– К Майе Рудольфовне прибежала взволнованная директриса. Сама! Не вызвала Майю в кабинет, а лично принеслась! И вызвала её в коридор для срочного разговора.

Я перестала вырываться. Стало понятно, что старшие девочки что-то подслушали и мне было интересно, что именно. Ольга явно собиралась со мной поделиться.

– Послезавтра балет повезут во дворец! Миленькая, душечка, ты же всего лишь семи-классница! Уступишь мне соло в двойке? А я в долгу не останусь! Я за тебя месяц могу любую работу делать. А?

Ольга шептала, но было столько визгливого восторга в этой фразе, столько мольбы, что мне казалось – она кричит.

Очень медленно ко мне приходило понимание, что я теперь «мышка», и тоже поеду. Где-то глубоко внутри начало зарождаться и волнами растекаться по телу радостное волнение. Я посмотрела на запертые, как обычно, ворота и дежурного учителя возле них. За все четыре года я ни разу не выбиралась за стены института!

– Завтра у нас не будет уроков. Майя Рудольфовна сказала, что будем целый день репетировать, отдыхать и снова репетировать. Ты согласна, душечка? Уступишь, а?

Тут я, наконец, сообразила, о чём девятиклассница меня просит и ради чего сейчас так бежала.

Хотя за Ольгой по-прежнему остались места в каких-то двойках или тройках, танцах, где две или три балерины двигаются в унисон, выполняя одинаковые движения, видимо, Майя Рудольфовна с директрисой решили показывать во дворце другие дуэты.

Я сразу догадалась, почему Ольга умоляет об уступке именно меня. Дело в том, что до моего перехода в «мышки», именно она танцевала па-деде, адажио, ноктюрн и элегию в двойке с Анжелиной. А с этого года Майя Рудольфовна поставила в этот дуэт меня. Видимо, Ольга как-то прознала, что во дворце решено показать что-то из того, что сейчас танцуем мы с Анжелиной.

Она действительно может с успехом заменить меня, так как дольше репетировала эти танцы, однако, соглашаться я не спешила. Впрочем, не могу сообразить зачем нужно моё согласие? Майя Рудольфовна всегда принимает решение сама. Или Ольга хочет, чтобы я соврала учителю, что заболела или, там, ногу потянула?

– А почему?.. Зачем?.. Как?.. – в груди теснились вопросы.

Я слишком растерялась, поэтому мне не удалось быстро их до конца сформулировать, но Ольга поняла меня и сейчас, как никогда, готова была угождать мне подробными ответами.

– У принцессы Лолы день рождения, круглая дата, двадцать лет. Во дворце будет очень-очень много приглашённых на торжество, которое продлится целую неделю! Прибудут высокопоставленные гости из разных стран. На второй день, после дня двадцатилетия, Лола будет выбирать дракона для помолвки. У них с этим строго: драконы женятся в двадцать пять лет, а драконицы начиная от двадцати до двадцати пяти. Принцы и другие знатные женихи даже из самой Андарики придут! Заявлена большая развлекательная программа. Наш балет тоже пригласили. Я так волнуюсь! Пожалуйста, Сашенька, ты ещё маленькая, а мне в следующем году выпускаться. Иногда девочку и после девятого класса выпускают, если есть желающий оплатить все годы её обучения и воспитанница успешно сдаёт выпускные экзамены, чтобы не уронить честь заведения. Там будет столько интересных молодых драконов! Ведь все женихи прибывают с друзьями, сопровождением, младшими братьями, в конце концов! Это такой шанс!

– А кто поедет?.. – я опять не договорила вопрос, как Ольга начала отвечать.

– Во дворец? Балетные мышки и выпускницы, конечно! Все! Ты не знала? Мы иногда выезжаем с выступлениями: все вместе, или только двойка или тройка. Это Майя Рудольфовна решает или директриса. Я, например, в седьмом классе три раза выезжала, а в восьмом – пять. Послезавтра, во дворец – это будет мой девятый выезд. И такой необыкновенный! Спасибо Богам!

– А почему необыкновенный?

– Ну как же! Сама посуди. Один раз в год наш балет обязательно выступает в сиротском доме на ежегодном благотворительном концерте. Все девочки из нашей балетной группы и группы выпускного класса едут в двух закрытых экипажах. Приезжаем, а сиротский дом окружен таким же забором, как наш институт. Снаружи он – унылое серое здание, а внутри него –

такие же голые коридоры, как у нас, только с облезлой краской на стенах. Выходим, танцуем, садимся в экипажи и возвращаемся обратно. Всё!

– Да, уж...

– И то, мы счастливы! По дороге, между шторками на окнах экипажа, в щёлочки, по очереди столицу рассматривали. В сиротском доме порадовались, что у нас просто шикарные условия для жизни. В комнате, где мы танцевали, успели полюбоваться на людей разных, интересных. Мы потом долго делились впечатлениями и обсуждали их. Это... как глоток свободы.

– Понятно...

– Ничего тебе не понятно! В сиротский дом – самые короткие выезды и то сколько волнений! На них всех девочек брали. А в другие выезды мы из кожи вон лезли, так старались попасть в число отобранных для выступления.

– Ты говоришь, за два года в «мышках» восемь раз выезжала? Дважды, так понимаю, это был сиротский дом, куда раз год всех возили, а остальные твои шесть выступлений где были?

– Остальные шесть раз нас приглашали в очень высокопоставленные семьи драконов на разные торжества. Драконы обожают балет. А драконьим мужам очень нравятся балерины, но, имей в виду, содержанок берут только неженатые молодые драконы до двадцати пяти лет. Потом они женятся и становятся верны своим жёнам. Даже не надейся, став экономкой или гувернанткой в доме дракона, соблазнить главу семейства. А уж замуж за дракона выйти у нас есть шанс только, если он вдовец.

– Очень надо!

– Надо! В каждом доме мы старались понравиться молодым драконам. Кроме молодости, у них, к тому же, много денег, поэтому так хорошо, если они выбирают в содержанки кого-то из нас.

– А как же любовь, Оля? Деньги так важны?

– Глупая ты ещё. Думаешь тебя здесь бесплатно учат? Если не найдётся дракон или такой мужчина, который выплатит институту всю сумму за твоё пребывание здесь, ты должна будешь полжизни отдавать половину своего заработка в уплату долга за обучение. Если не всю жизнь...

– Да? Ах, да... – я вдруг что-то такое припомнила из подслушанного разговора мачехи и деда.

– Это тебе, когда перейдёшь в девятый класс подробно разъяснят. У нас в начале курса специальный урок на эту тему был, где директриса лично рассказывала, что, если нас возьмут в жёны или в содержанки, то наши благодетели выплатят институту долг за наше обучение без права в будущем потребовать от нас его возмещения.

– Лучше бы тогда в жёны...

– Лучше бы?.. Богатые человеческие мужчины, которые платят за жену, то есть, за нас институту, а не отпихиваются от липнущих к ним девок руками и ногами, как правило, старые и безобразные. Может не безобразные, но старые – всегда! Хочешь замуж за старика? А драконы, пусть это ненадолго, зато молодые, красивые. Поэтому, даже, если потом, при самом худшем варианте, дракон институтку выгоняет без выходного пособия и не устроив её дальнейшую судьбу, то она хотя бы остаётся без долгов и в будущем сможет работать только на себя. Но в основном, драконы дают бывшей содержанке хорошие деньги и подарки на прощание. А уж принц...

– Понятно...

– Да. А ты думаешь почему все девочки на выпускном балу используют малейшую возможность, чтобы хоть кому-нибудь понравиться? Впрочем, нам с тобой не о чем особо волноваться. Балерин всегда всех разбирают. Среди нас, наоборот, волнуются те, кто хочет поступить на службу в театр. Во дворце, кстати, и из театра труппа будет выступать. Наталия мечтает поговорить о себе с директором.

– Если она, как все солистки попадёт к принцу, то к чему этот разговор? Он всех содержанок выдаёт замуж.

– Да, я тоже так думаю. Не знаю, что Наталия будет делать. Тем более, в этом году будут выбирать содержанку уже два принца. Спорим, второй тоже возьмёт нашу, балетную? Кстати, младший принц домой даже на каникулы не прилетал, а на двадцатилетие сестры его отпустили из военной академии на целый месяц. Говорят, вся столица обсуждает его прибытие. Так как? Уступишь?

– Ладно. Если Майя Рудольфовна позволит...

– Нет! Мы ей не скажем. Я просто выйду вместо тебя в последний момент. А ты потом скажешь, что перед самым выходом ногу подвернула, и я тебя срочно подменила, потому что знаю танец. Вдруг Майя кого-то ещё поставит к Ангелине в пару! Я не хочу рисковать. А я тебе... что захочешь! Договорились, а?

– Ну, ладно...

Глава 10

Через два дня мы отправлялись во дворец уже ближе к вечеру, в сумерках. Нас провожал весь институт. Любопытные мордашки девочек мелькали в каждом окне, а учителя и классные дамы высыпали на крыльцо. Я заметила выглядывающих из-за угла здания Степаниду и других работниц кухни. Они, видимо, пришли поглазеть на наш отъезд с заднего двора, там был второй, чёрный вход в здание.

Пока мы суматошно погрузились в экипажи, уже начало совсем темнеть.

Мечтая об этой поездке, единственное, что я всё время почему-то представляла – это, как передо мной открываются наши институтские ворота. Но в реальности так и не увидела этого.

Вообще, никакой, даже малейшей, возможности хоть одним глазком посмотреть на столицу через щели в зашторенных окошках кареты мне не представилось. Как самой младшей и, главное, самой мелкой, мне оставалось лишь завистливо слушать восторженные ахи, охи и другие восклицания тех девочек, которое отвоевали себе места по краям сидений и смогли хоть что-то увидеть. Я же, зажатая с обеих сторон, сидела строго по центру, не солоно хлебавши, спиной по ходу движения. Когда наш экипаж замедлил ход и девочки у окна завизжали, что мы подъезжаем ко дворцу, и какой он такой-растакой, было особенно обидно, что мне ничего не видно.

Карета, в которой я ехала, вместила в себя десятерых институток, по пять балерин на каждом сиденье. По приглашению Правящего дракона во дворец везли всех танцующих балет девочек с седьмого по десятый класс. Нас, таких, было всего одиннадцать.

Во второй карете сидело всего трое пассажиров: десятиклассница солистка Наталия, наш учитель хореографии Майя Рудольфовна и директриса института. Правда, туда ещё положили наши пачки, пуанты и прочее, нужное для представления.

Когда, ещё во дворе института, мы все рассаживались, я заметила, что Наталия оказалась посередине, между директрисой и Майей. В тот момент я с сочувствием подумала, что вряд ли нашей солистке сегодня представится возможность поглазеть на мир за стенами института через окно экипажа. Кто же знал, что через пять минут, в другой карете, я буду сидеть так же, как Наталия, с соседками по бокам, и это сочувствие мне самой пригодится!

Зато, когда наши экипажи, наконец, остановились, открылись дверцы, и мы нетерпеливо высыпали наружу, мои жадные ошалевшие взгляды заматались, вокруг, пытаясь успеть рассмотреть всё и вся. Однако, из-за восторженного волнения, целостная картинка никак не складывалась, получалось выхватывать окружающее какими-то фрагментами.

Так оно и запоминалось.

Вот, огни в изящных фонарных светильниках, убегающие яркими мигающими дорожками в чёрном небе, вдоль подъездной аллеи к воротам... Это одна картинка.

Другая – подъезжающие экипажи с гербами на дверцах. А, вот для чего геральдика! Чтобы знать, чья карета к дому подъехала!

Мужчины в белых с золотом костюмах, стоявшие по бокам у парадного входа во дворец, их завитые парики и руки в белых перчатках, тянущие на себя огромные резные деревянные ручки на створках входной двери, чтобы пропустить господ – третья картинка.

Во дворец как раз входили какие-то очередные гости и мне удалось заметить кусочек роскошного убранства вестибюля дворца – четвёртая...

Все фрагменты окружающего впечатывались в моей памяти так ярко!

Нас с девочками привычно построили парами и повели куда-то вглубь территории, в обход дворца, к боковому входу. Там было тихо и пустынно, но также красиво, как и с передней стороны здания. Я попыталась было по некоторым элементам этого прекрасного строения определить его архитектурный стиль. Ампиры? Спрошу у учителя.

У бокового входа нас встречал очень важный, упитанный дяденька с пышными рыжими усами, в чёрном смокинге, с белой манишкой и высоким стоячим воротником, который врезался в его двойной подбородок. Мне показалось, что именно этот воротник не позволял ему нормально держать голову, поэтому он слишком высоко задирает нос, когда сопровождал нашу процессию по извилистым бесконечным коридорам дворца. Мимо нас, всё время, обгоняя или двигаясь навстречу, во все стороны сновали какие-то люди. Сначала это явно были служащие, судя по одежде. Потом, по мере нашего продвижения, начали попадаться господа, судя по роскошным нарядам, украшениям и презрительно высокомерным взглядам в нашу сторону.

Наша директриса почти всю дорогу что-то заискивающе говорила усатому, семена чуть позади и сбоку от него.

– Это апартаменты принцессы Лолы, – густым басом, наконец, объявил наш важный сопровождающий, пропуская нас с девочками в чудесную розовую комнату. – В замке слишком много гостей, поэтому Её Высочество милостиво позволила использовать для подготовки благородных девиц к выступлению одну из комнат в своих покоях. Входите!

Пока мы проходили, директриса стояла у входа и лебезила перед усатым:

– Передайте нашу сердечную благодарность Её Высочеству! Она так добра и щедра! Скажите ей, что мы были безмерно счастливы получить приглашение выступить на празднике по случаю дня её рождения! А ещё...

– Вести себя тихо и незаметно! – вдруг рявкнул усач, перебивая её.

Мне кажется, что наша директриса немного утомила его своими разговорами.

Мы с девочками и так молчали, переполненные впечатлениями, а после этого рыка и вовсе онемели. Будто прикрываясь ими, мы прижимали к груди свои пачки, которые по приказу Майи Рудольфовны забрали с собой из экипажа и несли в руках. Усатый грозно осмотрел нашу сбившуюся в стайку, сломавшую ровный парный строй, группку в центре кричаще розовой комнаты и молча ушёл, аккуратно затворив за собой дверь в коридор.

Помещение оказалось смежным с двух сторон. Две боковые двери розовой комнаты были широко распахнуты.

Комната справа выглядела как роскошная гостиная. Там были канапе на высоких резных ножках из красного дерева, с красивой золотистой обивкой, мягкие, даже на вид, диваны, фигурные банкетки с разбросанными по ним круглыми подушечками, и столики разной формы и размеров – всё в одном стиле. Мне удалось лишь мельком заглянуть в эту золотую комнату до того, как директриса скомандовала приглушённым голосом:

– Девочки, быстренько переодевайтесь!

Было странно и неловко снимать с себя почти всю одежду в незнакомом месте, особенно учитывая, что двери с двух сторон выделенной нам комнаты были открыты.

Я быстро заглянула и в другую смежную комнату. Там тоже никого не было. Убранство помещения отличалось по цвету от розовой и золотой комнаты. Ковры на полу, обивка, портьеры, мебель – всё выдержано в бело-голубых тонах. А ещё, меня там поразило большое количество зеркал в полный рост, вставленных в изящные серебряные рамы и расположенных по всей комнате в самых разных местах. Их было почти так же много, как у нас в зале для занятий хореографией. Однако, у нас зеркала висели прямо на стене, вдоль которой шёл станок.

– Алексссандра! – услышала я недовольное шипение директрисы. – Прекрати совать нос, куда не следует! Быстро переодевайся!

Я оглянулась. Девочки сбились в кучку в одном из углов розовой комнаты. Они лихо радочно стаскивали с себя форму, немилосердно толкая друг друга, и складывали её на банкетку у стены. Я поняла, что к ним мне уже не втиснуться, особенно, учитывая, что некоторые девочки уже начали надевать пачки. Поэтому я пристроилась в другом углу, наискосок. Я начала переодеваться в балетный наряд находясь как раз напротив голубой комнаты, стоя за большим розовым диваном.

Свою почти новую серую форму я аккуратно повесила на высокую боковую спинку дивана. Расправила белую пачку. Заплела тугую косу и начала закручивать её на голове тугим узлом. Я уже заканчивала убирать волосы, когда заметила, что дверь в комнату с зеркалами открылась и туда ввалилась шумная компания девушек, и принцесса Лола с ними.

– ... если он очень-очень постарается! – обрывок фразы, с которой вошла Лола, завершился её весёлым смехом и согласным угодливым хихиканьем её подружек.

– Да, выбор у тебя просто огромный!

– Девочки, а какой андарский принц красавчик! Да?

– Говорят, у него дракон стального цвета, а чешуя сверкает на солнце, словно, серебряная!

– Я слышала, что и младший брат его такой же!

– У них весь королевский род в народе зовут Серебряным!

– Ха, а наш род зовут Золотым! – высокомерно заявила Лола.

– Ло, а наследник Вольдемар уже выбрал себе невесту? – спросила одна из девушек, самая высокая среди всех. – Ему уже в следующем году нужно жениться, а помолвки ещё не было.

– Даже не знаю, что ответить. Матушка ломает руки от беспокойства. Он каждую неделю говорит о другой драконице. Уже всех перебрал, – вздохнула принцесса.

Я критически взглянула на подружек Лолы. Не было ни одной настолько же стройной и изящной, как наши балерины. Зная предпочтения наследного принца, который неизменно выбирал в содержанки солистку балета, даже я в свои небольшие годы понимала, что эти девушки зря с такой надеждой сейчас смотрят на Лолу – её брат не выберет никого из них.

– Говорят, его новая содержанка, эта институтка Элеонора, всего два месяца во дворце, а уже совсем нашему дорогому принцу мозги запудрила, – вступила в разговор ещё одна девушка.

– Да, девочки, она – препротивная девица! Маменька уже несколько раз призывала её к скромности и порядку, дважды даже наказывала.

Тут же послышались взволнованные возгласы:

– Ах!

– А что Вольдемар?

Я закончила закреплять на голове туго заплетённую косу и села на пол, чтобы завязать ленты на пуантах. Но дальнейший разговор продолжала слушать, как и все наши балетные девушки, стоявшие в углу за стенкой голубой комнаты. Юным драконицам их не было видно. Меня сплетницы могли бы заметить, пока я не села на пол, но этого не произошло, а теперь, за высокой спинкой дивана я была никому не видна.

– Вольдемар ссорился с матушкой из-за этой девки, представляете? Повышал голос на родителей! Отец ему за это такое устроил! А этой тощей стерве, главное, ни холодно, ни жарко! – визгливо жаловалась подругам Лола.

Они тут же поддержали её:

– Да, эти девки часто мнят о себе, что они что-то в этом мире из себя представляют только из-за того, что некоторое время согрывают постель нашим будущим мужьям.

– Глупые гусыни, не понимают, что наши драконы ими просто пользуются, как бумажными салфетками. Их срок службы короток. Только что была белая и чистая, одно движение – и в мусор!

– Не понимаю, почему человеческие мужчины, иногда весьма уважаемые, берут их замуж?

– Милая, ценность бывших содержанок в том, что их мужья имеют некоторые привилегии от того дракона, который всучил им девицу. Конечно, если красотка смогла хорошо послужить в своё время. Ну, и приданое, которые дают наши мужчины в качестве отступного тоже много значит.

«Противно как» – вдруг подумала я и приняла для себя важное решение. – «Ни за что не соглашусь стать содержанкой дракона. Лучше всю жизнь долги буду отдавать». Я закончила завязывать пуанты, но вставать не спешила, опасаясь быть обнаруженной.

– Скорее бы Вольдемар сменил Элеонору на новую девчонку. Матушка очень на это надеется. Даже пригласила институток выступить на моём дне рождения. Наследник каждый раз влюбляется в новую солистку балета, которую видит.

Я со своего места увидела, как Наталья плюхнулась на банкетку, прямо на сброшенные формы девочек. Она жалобно посмотрела на Майю Рудольфовну. Та закусила нижнюю губу, а мы знали, что она всегда так делает, когда усиленно думает, и провела взглядом по всем нашим девочкам. Видимо не нашла, что искала... Пошарила по комнате и наткнулась на меня... Ой! Не надо! Не смотрите на меня так, Майя Рудольфовна!

Что это она задумала?!

– Ой, девочки, а эти институтки где-то здесь, в моих покоях! – слышу я голос принцессы. – Готовятся к вечернему выступлению. Пойдёмте на них посмотрим?

Судя по приближающимся голосам, я поняла, что вся шумная компания дракониц входит в розовую комнату.

Глава 11

– Смотрите-ка, вот они!

Притаившись за розовой спинкой дивана, я с неприятным липким чувством страха внутри наблюдала, как крепкие, упитанные драконицы в своих непомерно пышных, сверкающих драгоценными камнями, нарядах, остановились напротив моих тщедушных соучениц в простых белых пачках.

Майя Рудольфовна, хоть она и наш уважаемый и грозный учитель, сейчас выглядела такой же потерянной и жалкой, как и её воспитанницы. У некоторых девочек ещё не до конца были застёгнуты крючки на корсажах, поэтому они придерживали их спереди тонкими дрожащими руками.

Я радовалась, что остаюсь незамеченной и с трудом сдерживалась, чтобы не сесть на пол, спрятавшись наверняка. Из-за того, что наши балерины жались друг к дружке, а ещё, из-за вшитой в ткань проволоки, белые многослойные юбки их пачек из накрахмаленной марли, смялись. При этом, у некоторых они так задрались кверху, что стали хорошо видны белые хлопковые трусики, обшитые узкими оборочками.

– Лола, только посмотри, они бессовестно демонстрируют нам свои трусы! – возмутилась рыжая драконица с такими пухлыми руками, что мне были видны весьма приличные ямочки на её локтях.

– О, не только нам! Скоро их бельём будут любоваться все наши гости. Впрочем, почему любоваться? Что в этих пигалицах красивого? Правда же, что все они тощие и уродливые? Я честно, не понимаю, что мой старший братец в них находит? Почему он каждое лето выбирает себе новую содержанку из балетных?

– Эй, ты! Ну-ка, убери руки! – приказала Ангелине одна из подружек принцессы.

Моя напарница обеими ладонями прижимала к груди ещё не застёгнутый корсаж. Когда драконица, отдав свой приказ, грозно нависла над ней, Ангелина подняла на неё полные слёз огромные перепуганные глаза и послушно скользнула ладонями вниз, к талии. Корсаж оттопырился и чуть съехал вниз, приоткрывая небольшие полушария её груди.

– Девочки! Обратите внимание, разве это груди? Они же размером с лесные яблоки! Фу! Убожество! – некрасиво скривилась драконица и с притворным отвращением отвернулась от Ангелины.

Та сразу подтянула корсаж и поторопилась застегнуть крючки, ловко вывернув руки за спину. «Что раньше мешало быть такой шустрой?» – немного сердито подумала я, потому, что медлительность Ангелины, из-за того, что мы в дуэте, иногда доставляла мне неудобства, а то и проблемы.

– А ноги? – присоединилась к обсуждению ещё одна драконица. – Они у них всех тонкие, как палки!

– А их кожа? – подхватила эстафету обидных высказываний другая, – Эти балерины, бледные, как ночная моль!

Я, уже полностью одетая и обутая, приподняла подбородок, встала в третью позицию и красиво сложила руки. Приготовилась держать словесный удар, на случай, если меня заметят и тоже начнут оскорблять. Показалось, лучше принимать его так.

– Ну! И кто из Вас солистка? – требовательно спросила Лола.

Майя Рудольфовна, которая до прихода дракониц помогала девочкам с крючками на корсажах или с закреплением волос, сейчас неподвижно стояла, держа в руках диадему солистки, Натальи. Видимо, как раз собиралась крепить её, когда наши сборы так бесцеремонно прервали.

После вопроса принцессы, Майя мельком взглянула на помертвевшую Наталию, а потом, вдруг, сделала несколько быстрых шагов к моему спасительному дивану и водрузила диадему на мою голову.

– Ах да, конечно, солистка у вас отдельно одевается, чтобы девочки её не толкнули случайно, – понимающе произнесла Лола. – Балетные славятся жестокостью по отношению друг к другу.

– Да. Вот. Она, – учитель отодвинулась от ошалевшей меня, открывая обзор драконицам.

Лола оценивающе окинула взглядом мою замершую в красивой позе фигурку и противно поманила к себе пальчиком. Я посмотрела на Майю, девочек, дракониц, отчаянно не желая подчиниться этому унижительному движению пальцем... Тянулись минуты...

Принцесса тяжёлым властным взглядом вынуждала меня подчиниться. Майя Рудольфовна подтолкнула в спину. Я неохотно медленно вышла в центр комнаты, изящно вытягивая носочек. Окружающие притихли. Наши девчонки переваривали мой перевод в солистки, а драконицы молчали в ожидании того, что задумала Лола.

– Так, так, так... Имя? – принцесса сделала круг вокруг меня.

Я напряжённо держала позу, не оглядываясь на неё, хоть и ожидала удара в любое мгновение.

– Александра, – прозвучало хрипло.

– Что же ты такая непривлекательная, Александра, а?

Драконицы, теперь стоявшие за спиной принцессы тут же дружно присоединились к забавной для них игре:

– Неприглядная, а?

– Нескладная, а?

– Нелепая, а?

– Некрасивая, а?

– Нездоровая, а?

– Я здорова, – огрызнулась только последней участнице мерзкой игры.

С остальными утверждениями, возможно, стоило и согласиться? Когда мы занимались в классе для хореографии, наблюдая за своим отражением в зеркале, я и сама была страшно недовольна своим внешним видом. Чем-то сама себе напоминала подросткового цыплёнка, когда тот едва подрастал. Пушистый жёлтый шарик переставал быть милым – сквозь пух то тут, то там, пробивались первые перья, тонкие ноги становились длинными и некрасиво утолщёнными в суставах. Частенько я сама себе тоже казалась такой же голенастой и нескладной, как подросток-цыплёнок. Обожаемая Серафима успокаивала, чтобы я не забивала голову глупостями, мол, просто у меня сейчас возраст такой, а когда подрасту, стану красавицей. Но я всё равно переживала.

– Нет, это недоразумение не сможет затмить Эсмеральду, – задумчиво протянула Лола.

Её противные подружки согласно загомонили, свысока поглядывая на меня и кивая головами.

– Ну-ка, встаньте в ряд! – приказала принцесса остальным нашим балеринам.

Пуанты завязали не все, поэтому, когда девочки выстроились, за некоторыми по полу тянулись ленты. Лола стала задумчиво прохаживаться вдоль строя.

Время от времени, оттопыренным острым указательным пальцем она сильно толкала одну из воспитанниц института в грудь, приговаривая что-то обидное:

– Не годишься!

– Носатая!

– Лупатая!

– Уши слишком большие!

Невольно делая пару шагов назад, из строя, отбракованные девочки потирали место, куда их ударили пальцем, и униженно отходили в угол. Наконец, из всех десяти балерин в ряду, в центре комнаты осталось двое: Наталия и Ольга.

– Ты! – остановила принцесса свой палец на Ольге.

Она повернула голову к Майе Рудольфовне и приказала:

– Вот эта институтка сегодня будет солисткой!

– Но... – растеряно начала Майя.

– Никаких «но»! У вас есть возможность порепетировать с ней. До вашего выступления ещё осталась пара часов. Можете сделать это в голубой гостиной, там есть зеркала. Сейчас пришлю слуг, чтобы они на это время срочно вынесли мебель.

В тот же миг, всё завертелось в бешеном вихре. Слуги, чуть ли не бегом, перенесли в розовую комнату диваны, кресла, столики, стулья. Институтки поспешно, помогая друг дружке, закончили приводить себя в порядок. Наталия и Майя что-то вдвоём втолковывали сияющей Ольге, чьё лицо выглядело не только ошалело счастливым, но и абсолютно глупым. «Ещё бы! Собиралась обманом подменить меня в двойке, с немалой угрозой понести потом наказание, а сложилось так, что будет танцевать сольную партию по приказу самой принцессы Лолы», – думала я, глядя на Ольгу и немного сожалея, что сегодня расстроились наши с ней планы. А я уже придумала, что потребую с неё за свою уступку... Эх! Не повезло мне. Наверное, ...

Оставшееся до выступления время мы усиленно перестраивались и репетировали наше танцевальное представление с Ольгой в сольной роли. За танцы в двойках и тройках Майя Рудольфовна не волновалась, мы их даже не повторяли. Она хваталась за голову, когда работала с Ольгой. Кричала на неё, срывая голос, на миг забывая, что мы во дворце. Даже плакала, причитая что Ольга опозорит наш институт и её, как своего учителя. Та нервничала, сбивалась, не попадала в правильный ритм, повторяла движения, и снова не так, как надо.

В общем, к месту выступления наша колонна шла понуро опустив головы. От Майи, за компанию с Ольгой, досталось всем. Мы догадывались, что, если наша воспитанница провалиться, так или иначе, пострадаем мы все.

Огромный зал, куда нас завели, был настолько роскошным, что мне заслепило глаза от яркого сияния сверкающих люстр, настенных светильников и искрящихся отблесков золотого сияния зеркальных стен, натёртого пола, и драгоценностей всех присутствующих. На мягких банкетках и стульях, расставленных большим полукругом, сидели гости и хозяева праздника: семья Правящего дракона в первом ряду, за ними – знатные господа нашей страны и уважаемые гости из других государств

Вдруг, где-то на балконе над нашими головами заиграла знакомая мелодия для сегодняшнего балета. Она звучала невероятно мощно и красиво! Конечно, дворцовый оркестр не сравнить с нашим скромным институтским коллективом. Я заслушалась, когда почувствовала толчок. Это меня новая солистка случайно задела.

Майя Рудольфовна, шипя, вытолкнула Ольгу, которая, как и все мы, восторженно раскрыла рот, когда попала в зал, и на несколько тактов прозевала свой выход.

Началось наше выступление. Сперва солистка танцует одна, адажио, а мы все присоединяемся чуть позже, когда зазвучит аллегро, едва ли не с первых движений одновременно эффектно выполняя антраша. Потом, с солисткой работают две тройки, и, в завершение, по очереди отдельно танцуют дуэты, а остальные девочки замирают в одинаковых красивых позах на заднем плане.

Вообще-то, завершать наше представление должна была Наталия очень красивым и сложным сольным танцем, но Майя просто укоротила наше выступление, убрав его. Ольга этот танец попросту не потянет. Я ещё могла бы кое-как, но не она.

Отпорхали мы, как говорит Наталья, кланяемся... Звучат снисходительные аплодисменты.

Мы, так толком ничего и не рассмотрев, покидаем зал. Майя кое-как построила нас в привычную колону по двое и повела, как наседка цыплят.

Наталья и Ольга попались ей под руку первыми и стали ведущей парой. Они шли сразу за Майей, а я оказалась последней, одиннадцатой, поэтому шла одна.

Долго устало семеним за учителем длинными дворцовыми коридорами.

Вдруг, чья-то рука перекрыла мой рот так, что я даже пикнуть не смогла.

Чувствую, как мои ноги отрываются от пола...

Девочки удаляются от меня всё дальше...

А меня уносят куда-то... Мамочка!

Глава 12

Меня охватил такой нечеловеческий ужас, что я беспорядочно затрепыхалась в неведомых руках всеми своими силёнками. Но собственные руки и ноги, которыми я отчаянно размахивала, показались мне тонкими и слабыми. А тот, кто всё крепче стискивал мои рёбра и спиной прижимал извивающееся тело к своей каменной груди был настолько сильным, что, кажется, и не замечал моих жалких попыток вырваться.

– Шшшшшш... – обожгло левую сторону головы его горячее дыхание.

И... Да, нет! Показалось. Он коснулся губами шеи? Поцеловал моё ухо?! Чего только не почудится в панике! Вроде бы, это шипение похитителя должно было успокоить, но этого не произошло.

Моё сердце настолько сильно колотилось, что стало больно в груди. Я видела, что меня несут куда-то, не обращая внимания на изредка пробегающих слуг, но никто из них даже головы не поднял. Зачем тогда мне рот закрывать, если всё равно никто из окружающих не поможет? Страшно-то как... Я перестала дёргаться, обвисла и захныкала, признавая свою беспомощность и слабость.

– Не бойся, Яблонька! Я тебя не обижу, – прозвучало возле того же, возможно, поцелованного, уха, так неожиданно ласково, что я притихла и притаилась в настороженном ожидании дальнейшего.

Вскоре, мой похититель уже быстро нес меня, шагая куда-то вверх по чёрной лестнице. Чёрной, потому, что она была довольно узкой и слишком простой для такого дворца, без всяких украшений. Едва мы вышли на неё, мужчина перехватил моё тело перед собой, меняя его положение из вертикального на горизонтальное, при этом, наконец, отнимая руку от моего рта.

Я сделала несколько глубоких судорожных вдохов, сдерживая желание расплакаться, прежде чем прохрипеть:

– Кто Вы?

– Я? Принц. Зорий. Ты не узнала меня, Александра?

Он говорил со мной таким тоном, так просто и тепло, страх немного отступил, но, конечно, не исчез совсем. Он знает моё имя?! Зорий? Ааа! Младший принц! Тот, который пыхнул огнём на нас с девочками три с половиной года тому назад и пропал после этого. Он запомнился мне взрослым мальчишкой, ну, то есть, подростком. Да и видела я его всего один раз, и то, недолго. В общем, я принца почти не помнила. А сейчас меня нёс на руках перед собой молодой и очень красивый парень, который улыбался мне так, будто был моей любимой подругой, которую я не признала в первый момент.

– Я не узнаю Вас... – я вдруг смутилась и вспомнила все те слова, начинающиеся на «не», которые сегодня говорили мне драконицы.

Я же неприглядная, нескладная и некрасивая. Почему принц смотрит так, будто любитесь?

– Когда мы одни, говори мне «ты», – попросил, а не приказал он.

– Если Вы, то есть, ты – младший принц, то..., – это «ты» каким-то необыкновенным образом сделало меня смелее, – какие два вопроса ты мне задал при нашей первой встрече?

– Я спросил, как тебя зовут и обожаешь ли ты меня, – широко улыбнулся красавчик, то есть, младший принц Зорий.

Ой! Расскажу Ангелине, она упадёт в обморок!

Меня несёт на руках само Его Высочество! Улыбается мне, будто я настоящая красивая девушка! То есть... я же и есть девушка! Это значит... Нееет! Я не хочу становиться содержанкой! Он несёт меня в содержанки? Все неллицеприятные унижительные разговоры об этом

статусе завертелись в моей голове с пугающей скоростью. Я не хочу! И потом, я же ещё маленькая! Или уже нет? А он? Он же тоже несовершеннолетний? Или уже да?

– Ладно, Ваше... твоё Высочество... А зачем... То есть, куда Вы меня уносите? – решила спросить вслух.

Лучше сразу узнать горькую правду и, возможно, успею придумать выход.

– На крышу, в зимний сад. Там есть небольшой уютный зал только для членов Правящей семьи, куда запрещено входить даже слугам, кроме одного садовника два раза в неделю для уборки и ухода за растениями. Сегодня это самое уединённое место во всём дворце, где нам с тобой точно никто не помешает.

– Не помешает? Нам? А что мы... – я сбилась, задавая вопрос, снова потерявшись от вдруг накатившего страха перед тем, какими могут оказаться его планы, но всё же продолжила, – А что мы будем там делать?

– У нас, Яблонька, будет там наше первое свидание.

– Свидание?!

О! Несмотря на закрытость нашего заведения о свиданиях девочки, особенно старшие, по крайней мере наши балетные, говорили часто! Мечтали о них, придумывали, делились своими фантазиями... Обычно в конце первого свидания все получали поцелуй, предложение руки и сердца и обеспеченную жизнь до самой глубокой старости.

В седьмом классе на уроках по этикету у нас начались темы о том, как благородной девице следует вести себя, если кавалер пригласил её на свидание. Только у меня сейчас всё из головы вылетело. Кроме того, уже были уроки, где мы проходили правила поведения с молодыми людьми разного статуса. И, даже, тема «свидание» уже один раз обсуждалась на практическом занятии, где мужскую роль играла наша классная дама. Что же там было-то? Я не особо вникала, думая, что до моего первого свидания с молодым человеком любого статуса не менее четырёх лет. А оно вот как получилось... Не прошло и недели после того урока... И свидание моё с самим принцем. Или я неправильно понимаю?

– Со мной свидание?! Настоящее?

– Конечно, настоящее. Пришли, – с этими словами Зорий бережно поставил меня на ноги и занялся отпиранием двери.

Это был момент, когда я могла бы попробовать убежать или поднять шум, но не сделала этого.

Увы! Мне не хватило душевных сил и высоких моральных качеств благородной девицы, чтобы сбежать от возможности побывать на самом первом свидании в моей жизни, да ещё и не с кем-нибудь, а с самим принцем, и не где-нибудь, а в самом дворцовом зимнем саду. За те короткие мгновения, пока Зорий открывал замок, я успела даже помечтать, как девчонки рассказывают про свои мечты о первом свидании, а я загадочно улыбаюсь свысока, потому что у меня оно уже было в самом деле!

– Прошу! – прозвучало рядом со мной, и я вынырнула из фантазий в настоящее.

Его Высочество вежливо указывал мне на открытую дверь и чуть склонил голову, приглашая войти первой.

О, Боги! Свидание начинается... Да что же это такое! Мы же начали учить правила поведения юной девицы в присутствии молодого человека! Почему я хорошо запомнила только то, что в неудобной ситуации правильнее всего падать в обморок? Так, спокойно, Александра! Сейчас же, вроде, не такой момент? Тогда я пошла вперёд.

Вошла и ахнула! Вокруг были удивительные растения всех оттенков зелёного, огромные яркие цветы, которых я никогда в жизни не видела, даже на картинках, толстые лианы оплетали внутренние решётчатые перегородки.

Под невысоким деревом в большой кадке, у которого был тоненький мохнатый ствол и огромные разлапистые листья, стоял накрытый на двоих столик, а рядом журчал изумительной красоты белый мраморный фонтан.

Я зачарованно подошла ближе и не сдержала нового восторженного восклицания – в фонтане плавали большие золотые рыбки. Нет, не рыбки – рыбины.

Я, даже не веря, что вижу всё это наяву, присела на гладкий мраморный бортик фонтана и опустила в воду пальцы, пытаюсь дотянуться до чуда. Но моих усилий не понадобилось. Золотые рыбины сами тут же подплыли и стали тыкаться носами в мою раскрытую ладонь. Я тихонько засмеялась. В институте нас давно отучили делать это громко. Подняла к Зорию своё лицо, не в силах скрыть изумлённую радость и самый искренний восторг.

– Золотые рыбки...

Принц ласково улыбнулся и махнул рукой, мол, да ничего особенного.

– Они вечно выпрашивают еду. Не волнуйся, их кормили. Посмотри лучше, что я для тебя приготовил. Не знаю, правда, что ты любишь...

Я перевела взгляд на накрытый столик. Это накрыто для меня?! Я думала, мы просто тайком посмотрим и сбежим.

– Здесь у нас карп, фаршированный орехами и гранатами, салат в заморском стиле, закуски из креветок, сок, вино... Э, нет! Вино – это только мне. Если ты не хочешь рыбу, то есть мясной рулет с рябчиками и свежие овощи. А на десерт – в холодильной коробке ванильное мороженное, но, если ты его не любишь или тебе сейчас нельзя холодного, то есть ещё фруктовый салат со сливками и орешками. Что-нибудь из всего этого тебе нравится или хочешь что-то другое?

Что-нибудь из этого? А я знаю, что это? Разве что, слова знакомые.

– Всё! Мне всё нравится. Это, значит, мне? Для меня? Это всё?

– Только для тебя, моя маленькая Яблонька.

– Маленькая... Да, я – маленькая, – вдруг повторила за ним, словно, напоминая.

– Я знаю, Яблонька. А маленьким что нужно?

– Что?

– Хорошо кушать, чтобы подрасти и стать большими, – улыбнулся Зорий и легонько, но немного обидно, щёлкнул меня по носу. – Прошу!

Принц взял меня за руку и, не спеша, подвёл к накрытому столу. Я скользнула взглядом по сервировке и столовым приборам на салфетке и порадовалась, что помню хорошо те уроки по этикету, где нас учили всем этим пользоваться, как, впрочем, и все это накрывать для хозяев.

– Александра, прошу Вас, садитесь! – принц галантно отодвинул мне стул.

Села. Правда, на самый-самый краешек сидения. Удобнее устроиться, мне пачка с проволочкой в марлевой юбке просто не позволила. Так... Что там в правилах для благородных девиц? За столом, кажется, сознание не нужно терять?

Это было... Вкусно! Божественно! Восхитительно! Вкусно! Вкусно! Не знаю, что меня ждет в ближайшем или далёком будущем, но я никогда не забуду того огромного наслаждения, которое я испытала на своём первом свидании! Буду всегда помнить то невероятное удовольствие, которое мне подарила вкусная изысканная еда после нескольких лет простой здоровой пищи в институтской столовой.

А ещё не забуду, как давил корсаж, когда я безбожно объелась, и о том, как хотелось плакать от того, что мороженное уже категорически не влезало, а я его даже не попробовала! Смотрела на белое сладкое совершенство и не могла взять ни грамма, потому, что ещё последнюю ложечку фруктового салата не смогла проглотить.

Пока я с аппетитом ела, принц лишь изредка делал глоток вина из пузатого хрустального бокала на высокой ножке и смотрел на меня. Если бы не было безумно вкусно, наверное, не

смогла бы есть от смущения под его неотступным жадным взглядом. Но потом так увлеклась обжорством, что перестала обращать внимание. Пусть себе смотрит! Не отнимает же...

Зорий всё время о чём-то говорил со мной, отвлекая от поглощения изысканной пищи, каковой мне не приходилось пробовать даже на праздники в родительском доме. Иногда что-то смешное рассказывал. Я, даже, разок не выдержала и неприлично прыснула от смеха, перепачкав лицо. Зорий сам вытирал мне его белоснежной салфеткой. И глаза его при этом вдруг изменились. Зрачок из круглого стал вытянутым, а взгляд будто бы затягивающим куда-то. Я на всякий случай зажмурилась.

Потом, принц дотошно расспрашивал о моей жизни в институте, а я ему охотно отвечала, совершенно не придавая значения нашей беседе...

Где-то самым краешком сознания я отмечала про себя, что дракон почему-то совсем не ест и по-прежнему не сводит с меня внимательных глаз, но не думала об этом. Я была слишком увлечена теми волшебными блюдами, что стояли передо мной на столе. Честно говоря, если бы не его настойчивость и прилипчивость, я бы вообще не обращала внимания на собеседника. Только заметила про себя, что, пока я с удовольствием ела, принц улыбался, явно довольный тем, что мне нравится то, что он подготовил.

Не знаю, сколько так прошло времени. Мне было хорошо, как никогда!

Когда мы, точнее, я, больше не могли съесть ни крошки, принц предложил немного прогуляться по зимнему саду.

– Александра, ты позволишь мне подержать тебя за руку, пока мы здесь?

«Надо же, какой вежливый! То хватает и тащит незнамо куда, то спрашивает разрешения взять за ручку», – мысленно возмутилась я.

Вслух этого сделать не смогла бы, даже, если бы решилась – все силы уходили на переваривание пищи, да и настроение было слишком добродушное.

Поэтому, пожав плечами, я просто протянула ему лодочкой свою ладонь. Она тут же утонула в его огромной ручище. Мы медленно, рядом, пошли по зимнему саду. Зорий говорил мне заковыристые названия растений, мимо которых мы проходили, которые не задерживались у меня в голове даже на мгновение. Хорошо, что он не просил повторить, как это любят делать наши учителя.

Иногда Зорий своими сильными длинными пальцами зачем-то нежно, по одному, снова и снова перебирал мои пальчики или подносил мою ладошку к своему лицу и касался её губами.

Мне было страшно и приятно.

Откуда-то в мою голову пришла мысль, что на первое свидание по-настоящему, как в сказках институток, сходил только одна моя рука.

Мы погуляли совсем немного, когда Зорий с грустью посмотрел на меня и сказал, что наше время, к его огромному сожалению, пролетело слишком быстро, и что сейчас он должен вернуть меня к учителю.

Значит, в содержанки меня всё же не берут... Интересно, их всегда так кормят?

То есть, я и не хотела... Просто... Всё это свидание, с Зорием – это было так волнующе!

Спускалась вниз по лестнице я уже на своих двоих, но за руку с принцем. Наверное, Зорий заметил сколько я съела и решил, что столько ему не поднять. Шучу.

За дверью розовой комнаты, к которой он привёл меня, даже из коридора был слышен шум и гвалт. Мы с младшим принцем вежливо, но как-то скомкано, попрощались, и я потянула за массивную деревянную ручку.

Моё появление не вызвало переполох, как я ожидала. Даже осталось незамеченным. Не поняла? Что, всем всё равно, что ли, где я была столько времени? Несколько девочек отчаянно рыдали в разных позах и с различной громкостью. Некоторые уже переоделись в форму, а несколько воспитанниц, как и я, всё ещё были в примятых пачках.

Наконец, меня заметила Майя.

– Александра! Слава Богам! Ты как? С тобой всё в порядке? Ты потерялась, когда всё это началось? Хорошо, что сама смогла найти дорогу сюда. Немедленно переодевайся! – она суетилась и выглядела до крайности взволнованной. Тон учительницы стал визгливым и злым, когда она повернулась к остальным девочкам в пачках, – А Вы почему не переодеты?

Рыдания перешли в всхлипывания, девочки начали снимать пачки. В комнату без стука заглянул усач, и Майя кинулась к нему, заламывая в отчаянии руки.

– Господин! Восемь воспитанниц на месте, а троих Наталию, Ольгу и Ирену мне так и не вернули! Ума не приложу, что делать и где их искать! Что я скажу госпоже директорсе?! Вы ей уже сообщили об инциденте?

Ангелина вдруг снова громко зарыдала, так неожиданно и пронзительно, что я перепугалась.

– Тихо, Ангелина! Всем быстро переодеться и сидеть, как мыши! – рявкнула в её сторону Майя.

Моя подруга замолчала так же резко, как и начинала рыдать. Майя следом за усачом исчезла за дверью. Мы переоделись и сели в ряд на банкетке и стульях, которые поставили возле неё.

Как бы мне не хотелось поделиться с подругой тем, что со мной произошло и узнать, что случилось с остальными, сейчас я раскрывать рот не решилась. Атмосфера в розовой комнате была грозная, пугающая. Мы, все восемь институток, действительно, сидели тихо и молча, как мыши. И не только потому, что нам так сказала учитель, мы сами ощущали такую необходимость.

Глава 13.

Дорога петляла между холмами и уходила далеко к подножию гор, где надёжно пряталась между первыми скалами. Эта часть пути была самой лёгкой и самой скучной, позволяя мне расслабиться и с головой углубиться в свои мысли. Я ехал на сотню метров впереди обоза, верхом на своём любимом кауром жеребце, которого, ещё в детстве, ласково назвал Монстриком. Отныне Монстрик будет жить со мной, в конюшне при военной академии и это единственный плюс во всём происходящем в последнее время.

Как же я был зол и расстроен. Нет! Я был в бессильной ярости и отчаянии. Я мог бы ещё две недели устраивать наши встречи с Яблонькой, но меня лишили этой возможности. Я возвращаюсь в Андарию!

Разгневанный отец поручил именно мне возглавлять сопровождение андарской делегации восвояси по наземному пути, так как посчитал косвенно виновным в случившемся скандале.

Лёд и Бездна!!! Кто знал, что из-за обыкновенного выступления воспитанниц из института благородных девиц на дне рождения принцессы, страна окажется перед угрозой возможного военного конфликта с сильнейшим драконьим государством, и сорвутся планы обоих правителей!

Сейчас, под размеренную поступь Монстрика, поглядывая на бесконечно однообразные окружающие пейзажи, я имел возможность спокойно подумать и, не спеша, разобраться в том, почему и как всё произошло.

Как ни смешно это звучит, виной всему оказался... балет. Конечно, у них, в Андари, про такой только слышали, да и то, не все. Обычные люди, которые могли бы танцевать в театре, в этой стране совсем не проживают.

Андарские драконицы никогда и нигде не обучаются, сидят дома под тремя замками. Когда юные андарки входят в брачный возраст, то в день свадьбы их передают из дома родителей в дом мужа в закрытых раскрашенных повозках, украшенных лентами, как в дорогих подарочных шкатулках. Никаких предшествующих этому моменту событий, празднеств или встреч, на которых молодые драконы и драконицы могли бы познакомиться и приглядеться друг к другу, не бывает.

О брачных традициях Андари мне парни из академии, случалось, рассказывали. Помнится, что они удивлялись свободе наших дракониц и не одобряли её.

Я, по поручению отца, вникал и изучал все порядки и законы страны, в которой учился, поэтому знаю, что в Андари все браки были строго договорные, организовывались родителями, а жених с невестой впервые видели друг друга в день свадьбы.

Браки принцев, впрочем, являлись исключением из правил, так как, если они брали в жёны принцессу из другой страны, то должны были учитывать чужие традиции вступления в брак. Собственно, поэтому андарский принц и оказался у нас в гостях. Обе правящие семьи желали брачного союза их детей, но по нашей традиции драконица, даже принцесса, имела право на выбор, как и дракон, к слову. Отец и мать столько сил потратили, чтобы Лола сделала свой выбор правильно...

Сейчас, на расстоянии, я понимаю досаду отца и его надежду, что всё ещё можно исправить.

С другой стороны, учитывая чрезмерную строгость нравов в Андари, неудивительно, что институтские балерины в коротеньких пачках легко свели с ума андарских парней, и они последовали за ничего не подозревающими девушками и попытались выкрасть их. Точнее, не попытались, а сделали это, подняв невероятный переполох во всём дворце!

Я оглянулся на обоз, который тащился далеко позади меня. Злость на принца и его дружок, из-за их выходки, которая стала причиной того, что я в этом году уже не увижу Яблоньку, толкала меня вперёд, подальше от них, чтобы не выйти из себя и не сцепиться с ними в драке. Отец строго-настроено запретил мне подобное. А, жаль... Кулаки так и чешутся, и огонь жжёт и клубится в груди...

Да уж... Мама, потакая, как она считает, моей прихоти и приглашая институток танцевать на дне рождения дочери, даже представить себе не могла, что без пяти минут жениху её любимой единственной доченьки Лолы, андарскому принцу Джералу и двум сопровождающим его друзьям совершенно сорвёт крышу при виде открытых стройных ножек и их хозяек, которые танцевали так, будто бы имели за спиной невидимые крылья. Молодые андарские драконы, раскрыв рты, смотрели на балерин всё представление и поражались тому, что выделявали эти тоненькие, словно невесомые, девушки. Потрясённые андарцы роняли слюни и пускали дым из ноздрей, наблюдая, как изящные красавицы головокружительно быстро кружились и красиво изгибались, ловко перебирали своими дивными ножками, и взлетали над полом в невероятных прыжках!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.